

Максим Волосатый

Антидот к паранойе

Переговорный процесс

Максим Волосатый
Антидот к параноюе

«Автор»

2011

Волосатый М.

Антидот к паранойе / М. Волосатый — «Автор»,
2011 — (Переговорный процесс)

Эта книга создана в рамках проекта [Crowd Fantasy](http://www.crowd-fantasy.ru/). Куда приводят мечты? Два друга, Шойс Декстер и Степан Донкат, не могут жить скучно. Не сидится им на месте. И вот – снова здравствуй, галактика. Очередное увлечение Декстера отправляет наших героев туда, где бродит по планете таинственное существо, во власти которого может оказаться целый мир. Но сражение им предстоит не только с таинственным пришельцем, но и друг с другом. Как победить там, где отступают штурм-флоты и космические десантники? Но выход есть. Или это вход?..

© Волосатый М., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пришествие	5
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	45
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Максим Волосатый

Антидот к паранойе

Эта книга создана в рамках проекта [Crowd Fantasy](#)

Соавторы и участники:

Андрей Коновалов

Максим Акульшин

Пришествие

– Сереж, ты чего? – молодой парнишка с испугом отодвинулся от приятеля, выставляя вперед руки, как будто отталкиваясь от него.

– Да скучно тут у вас, – круглое веснушчатое лицо его собеседника, губастого, улыбочивого парня вдруг превратилось в уродливую, злобно щерящуюся оскаленными зубами маску. Скрипуче каркающий голос заставил первого парнишку сделать еще пару шагов назад. – Ничего он не может, слабак. Не-ет, мне пора. Пора...

– Сереж, ты что? Что случилось?! – парнишка совсем ничего не понимал. Ведь только что нормально с ним разговаривали. Ну, да, Серега сегодня с утра немного странный...

«Странный» Серега тем временем еще больше растянул губы в презрительно ухмылке:

– Жди, я еще вернусь. Тогда и попляшем. Таиксана!

Оскалившись, он развернулся ... и в три шага оказался возле ограждения транспортной линии, по которой сплошным потоком неслись наземные боты.

– Вниман..., – ожили предупреждающие динамики системы безопасности, но Серега как будто их и не заметил.

Рукой оттянув один из тросов, отгораживающих линию от пешеходной зоны (как это он сделал?!), не меняя выражения лица, Серега неуловимым движением нырнул между ними. Миг – и он уже стоит рядом с несущимися ботами. Из окон на него с изумлением и испугом смотрят пассажиры. Шипят сквозь зубы ругательства водители, система безопасности уже начинает принудительно замедлять скорость потока. Но поздно, слишком поздно...

Шаг вперед... И тупой нос одного из ботов украшается как по волшебству возникшей вмятиной. Темное тело мелькает в воздухе и ударяется об ограждающие тросы, которые мгновенно становятся податливыми. Тут система трафик-безопасности сработала мгновенно: поймав датчиками непредусмотренное программой движение и сопоставив их с данными о нарушении периметра, система тут же ослабила натяжение канатов и приняла летящее тело Сереги, бережно приняв его, спеленав и аккуратно опустив на землю.

* * *

Пауза замершего мира. Тишина ужаснувшегося бытия. Медленно летят мимо боты, ветер плавно гонит по земле какой-то кусок бумаги, скорбно кивают ветвями деревья, выстроившиеся в карауле вдоль трафик-линии. Замерший в шоке парнишка, замороженно глядит на спеленатый канатами бесформенный комок, который только что был Серегой. Веселым, беззаботным, живым...

Но вот жизнь опять взяла свое. Скорость рывком вернулась в картину мира. Боты, ревя двигателями, понеслись дальше; ветер унес бумагу; деревья, словно отдав салют, вновь распрямились, шумя буйной листвой. И только молодой парень все так же неподвижно глядел на

обмотанное канатами тело приятеля. Но вот пошевелился и он. Заторможенным движением парнишка поднял голову, осмотрел редких прохожих, тоже еще не успевших ничего понять, и ... столкнулся взглядом со вжавшимся в стену невысоким мужчиной в просторной грубоотканной одежде первых поселенцев. Лицо мужчины было белее снега.

– Это не я, – расширив глаза, прошептал парнишка. – Это не я..., он сам... Сам...

Мужчина также медленно, не сводя с парнишки взгляда, помотал головой.

– Он сам! – парня вдруг прорвало. – Я ничего не понял! Он сам прыгнул туда! ...

Мужчина, замер, словно не в силах сдвинуться с места. Где-то над ними вдруг раздалась сирена воздушного милицейского патруля, автоматически вызванного системой безопасности. Яркий патрульный бот завис в паре метров над местом происшествия и тут же выстрелил вниз темным комком кокона первой помощи. Сгусток пены упал на скрюченного Серегу, облепил его и окостенел внешней коркой, предохраняя поврежденное тело от любых дальнейших воздействий, сберегая его для возможной терапии в регенерационной камере. Только бы он был жив...

С зависшего бота вслед за коконом выпрыгнули три фигуры в милицейской полуброне. Коротко пшикнули амортизаторы скафандров, компенсируя энергию прыжка, и патрульные тут же рассыпались в разные стороны. Один направился к пострадавшему, второй – к ближайшему блоку аварийной системы, а третий, судя по знакам отличия на скафандре, – начальник, подошел к вновь замершему в шоке парнишке.

– Ты видел, что произошло? – негромко, чтобы не пугать, поинтересовался патрульный.

– Он сам туда прыгнул, – одними губами, не переводя остановившийся взгляд, прошептал парень. – Мы разговаривали..., он вдруг лицо сделал... и пошел туда... А там боты... А он...

– Сам пошел? – негромко, даже как-то буднично, поинтересовался патрульный.

– Сам, – закивал парень. – Сам. Я и понять ничего не успел, а он вдруг «скучно у вас», и пошел. А потом...

Парня вдруг затрясло.

– Тихо, тихо, – успокаивающе поднял руку патрульный. – А чего, говоришь, он сказал?

Милиционер специально говорил ровным, спокойным голосом, как будто ничего не произошло, успокаивая, парня и давая хотя бы внешним его рецепторам сигналы о том, что все закончилось, он жив, все нормально (ну, если не учитывать тела в спас-коконе).

– Он? – рецепторы парня упорно не желали соглашаться с идеей патрульного. Они только-только начали осознавать произошедшее. – Он сказал, что тут скучно, а потом крикнул что-то, и ... туда.

Парень вытянул дрожащую руку в сторону трафик-линии.

– А что крикнул? – даже как-то дружелюбно поинтересовался патрульный.

– Токсана..., тойкана..., – замаялся парень.

– Таиксана, – вдруг раздался хриплый голос, полный затаенного страха. – Он сказал «Таиксана».

– Салат? – удивился патрульный, поворачиваясь в сторону нового участника разговора, мужчины, одетого в просторную одежду первых поселенцев. «Старообрядцев», как их еще называли. – Он говорил про ваш фирменный салат?

– И, похоже, он его слишком много съел, – от информблока аварийной системы вернулся еще один патрульный. – Так много, что в голову излишки ударили. Датчики показывают, что парень на самом деле сам прыгнул на бот. Только как он умудрился раздвинуть тросы ограждения?

– Жив, – от кокона подал голос третий милиционер, пряча в один из кармашков прибор, которым он снимал показания с затвердевшей спасательной пены. – Кокон показывает, что парень жив. Вызываю медиков.

И он забубнил что-то в микрофон шлема.

– Жив? – удивился вдруг «старообрядец», изумленно распахивая глаза, в которых заплескался страх.

– А что не так? – тут же насторожился старший патруля. – Не должен был быть?

– Да нет, – смешался вдруг «поселенец». – Я просто... Ну, он сильно ударился...

Патрульный хотел было сказать еще что-то, даже рот открыл, но вдруг замолчал, по-прежнему глядя на «поселенца». Нет, не на «поселенца» – сквозь него.

Старший патруля замер на секунду, потом вдруг дернулся, и его глаза изменились. Стали смотреть как-то по-другому. Так, как будто он только что узнал что-то новое. Важное. Значимое...

– Жив, – теперь и он произнес это слово с каким-то даже удивлением. – Надо же... Крепкий попался... Но все равно он ничего не умел...

– Таиксана, – прошептал вдруг «поселенец», медленно, шаг за шагом, отползая от патрульного.

Взгляд старшего стал задумчивым. Теперь он как будто просматривал что-то внутри своей памяти.

– Но тут все-таки лучше, – пробормотал он. – Нет, определенно, этот лучше.

– Василич, – позвал его один из патрульных. – Мы тут закончили, медики будут через...

– Господин лейтенант, – надменным голосом вдруг поправил его старший.

– Чего? – не понял тот.

– Звание мое забывать не надо, господин сержант, – ледяной взгляд старшего пронизывал починенного как будто насквозь.

У того брови полезли вверх.

– Ты чего, Василич? Тоже салата переел?

– Господин лейтенант, – еще раз с нажимом повторил старший.

– Как скажете, *господин лейтенант*, – патрульный переглянулся с третьим милиционером.

– Если закончили и все данные с камер безопасности и унибраслета свидетеля собрали, то ждем медиков, – тем же надменным тоном приказал лейтенант, – передаем им пострадавшего и отбываем. У нас много дел.

– Каких дел, Василич? – не понял третий патрульный и тут же поправился, натолкнувшись на ледяной взгляд. – В смысле, господин лейтенант.

– Разных, – взгляд старшего опять устремился куда-то вглубь себя. – Разных. И кстати, а где этот, «старообрядец» который?

– Ушел, – патрульный оглянулся. – А что, надо найти?

– Не надо, – барственно махнул рукой лейтенант. – Тут и так все ясно, а сделать он все равно ничего не успеет.

– Что не успеет? – патрульный опять переглянулся с напарником. Теперь в их взглядах была тревога. Со старшим явно творилось что-то странное.

– Неважно, – мотнул головой лейтенант. – О, вот и медики.

Воздух завибрировал от пронзительного воя сирены неотложной помощи, пронизывающего тугие сплетения транспортных узлов.

Высыпавшие из прибывшего бота санитары споро погрузили уже отвердевший кокон с покоящимся в нем «Серегой» и отбыли. За несколько минут до них стартовал милицейский патруль. На месте аварии уже вовсю работала ремонтная бригада дорожников, восстанавливающая целостность системы безопасности, а за углом ближайшего дома все так же стоял и не мог отдышаться «поселенец». Прохожие по очереди подходили к нему, предлагали помощь: видно же – человеку плохо; но он только мотал головой и твердил только одно слово:

– Таиксана. Таиксана. Таиксана.

Прохожие отходили, подозрительно оглядываясь. И правда, странный он какой-то. При чем тут салат? Ну, да ладно. У них, «старообрядцев», свои правила, своя кухня.

* * *

– Таиксана! Евлампий Егорович, – невысокий мужчина в просторной грубоотканой одежде первых поселенцев, наплевав на приличия, перепрыгнул через невысокую живую изгородь, и влетел в просторный двор дома стоящего посреди прячущегося на окраине леса хутора. – Это случилось! Это произошло! Евлампий Егорович, таиксана! Он появился!

– Что? Постой, Пафнутий, подожди, что ты несешь? – пожилой мужчина с окладистой бородой, что-то мастерящий во дворе дома, сидя на широкой скамье возле стола, развернулся к появившейся в воротах фигуре.

– Таиксана, – названный Пафнутием мужчина, судорожно глотая воздух, как после быстрого бега, остановился, опершись на стол, за которым сидел пожилой Евлампий Егорович. – Все, как в истории описывается. Безумный взгляд, пренебрежение к живущим, смена тела...

Пафнутий оперся на стол обеими руками.

– А самое главное, Евлампий Егорович, он меня узнал!

– Подожди, Пафнутий, не торопись, – Евлампий Егорович огладил бороду. – Кто «он»? Как он мог тебя узнать? Кого «тебя»?

– Да я не знаю! – почти взвизгнул мужчина. – Но он со мной говорил, как будто знал, что я про него знаю.

Копаящийся во дворе неподалеку мальчишка лет шести бросил свое занятие и с удивлением воззрился на Пафнутия. Картина была и в самом деле удивительной: в этом доме не кричали и не суетились. Здесь всегда ходили медленно, говорили чинно и негромко. А тут на тебе...

– Он парнем был, – сбиваясь и сглатывая пересохшим горлом, попытался объяснить Пафнутий. – А потом сказал, что ему скучно и прыгнул на трафик-линию. Почти насмерть, но не насмерть. А он, как и написано было, прыгнул в лейтенанта милицейского... А тот на меня посмотрел... Ну и...

– Так, – благообразный Евлампий нахмурил брови и решительно поднялся со скамьи, явно поняв из рассказа Пафнутия больше, чем тот успел сообщить. Он поднял голову и посмотрел на циферблат больших часов, висящий над входом в дом. – Время городских новостей. Пошли, послушаем. Если ты прав, то сейчас мы услышим много нового...

Много им услышать не удалось, но и того, что было, хватило, чтобы брови Евлампия Егоровича сошлись на переносице и больше не расходились.

– ... две странных попытки самоубийства, – вещала с экрана витранса симпатичная ведущая. – Молодой человек, его имя по просьбе следствия не разглашается, проникнув через ограждение трафик-линии № 27, попытался покончить жизнь самоубийством, бросившись под идущие боты. А через несколько часов начальник передвижной патрульной группы милиции, осматривавшей место этого происшествия, выстрелил себе в лицо из табельного импульсного излучателя... Странное совпадение... Оба остались живы... Следствие продолжается, обрастая новыми подробностями... Будем держать вас в курсе событий... Необычное заявление сделал начальник лейтенанта, пытавшегося покончить жизнь самоубийством.

Прослушивание новостей прервал резкий, требовательный сигнал ком-центра. Евлампий Егорович тревожно глянул на Пафнутия.

– Центральный? – нахмурился он.

Пафнутий почувствовал, как ноги начинают слабеть.

– Евлампий, – над ком-центром появилось трехмерное изображение такого же благообразного мужчины. Только борода у него была не такая густая. – Срочный сбор, Совет Старейшин собирается немедленно.

– Что случилось? – подался вперед Евлампий.

– «Белое место» ожило, – рубанул с экрана мужчина. – Неординарная активность. Что-то произошло.

Евлампий оглянулся на экран витранса, по нему уже шли другие новости.

– Я, кажется, знаю, что, – медленно проговорил он. – Это Таиксана. Пора начинать эвакуацию.

– Что?! – вытаращил глаза мужчина. – Что ты сказал?! Ты уверен?!

– Я бы очень хотел ошибиться, – Евлампий Егорович сглотнул. Потом сделал вдох и собрался. – Все, еду. Бот готов, буду через полчаса. Да, и выясните пока, где эти, туристы, которые тут были. Говорил же я Захарию...

Он сжал губы, решительно отключил вызов и посмотрел на Пафнутия.

– Собирайся. Вернусь с Совета, мы уезжаем.

И вышел. За его спиной Пафнутий медленно опустился на стул.

Глава 1

– Шойс, у тебя там, это... пахнет чем-то. Шойс... Ой, – Степан Донкат, вертя головой по сторонам в поисках странного запаха, зашел на кухню и замер, как вкопанный.

– Привет, – развернулось к нему огромное белое облако, увенчанное высоченным белоснежным колпаком. Блеснула массивная серьга в ухе, свернула белозубая декстеровская улыбка. Обилие белого цвета превращала Шойса Декстера в какого-то суперположительного персонажа, наподобие небесного создания, снизошедшего на землю. То бишь, на орбитальный астероидный поселок.

Только небесные создания они, того..., немного постройнее будут. И не с такими рожами разбойничьими...

– Привет, – прогудел Декстер и развернулся обратно к плите. – Очень вовремя ты пришел, помогать будешь.

– В чем это? – подозрительно поинтересовался Степа. Как правило, подобный тон у Декстера означал много-много работы. Для его, Декстера, блага, естественно.

– Ассистент нужен, – не оборачиваясь, значимо прогудел сакс. – Одному, чую, не справиться.

Степа оглядел кухню, заваленную всякими сверкающими... инструментами, по-другому не скажешь, предназначенными для приготовления еды, и озадачился.

Картина и в самом деле ординарной не выглядела. Видеть бывшего капитан-коммандера дальней разведки, наемника одного из самых известных частей космической пехоты Сакс-Союза, в роли повара было не то, чтобы непривычно, а как-то... Ну, вы себе представьте мате-рого волкодава, обряженного в розовую парчу с кучей всяких стразииков, паеточек и всего такого прочего, марширующего семенящим шагом на тоненьком поводке. Вот что-то такое и вырисовывалось.

Но это на первый взгляд. А если задуматься... Степа пожал про себя плечами: хотя, в принципе, все логично. Коспеховское прошлое Шойса Декстера осталось позади, а ныне он трудится (на пару с самим Донкатом) совладельцем одного из самых известных орбитальных баров Изюбра, головной планеты восьмого про-слоя РФМ, Российской Федерации Миров. Так что тут все вполне вписывается в рамки текущей деятельности. Так что и с другой стороны все выглядело не таким уж и неправильным.

Сгусток солнечной энергии по имени Шойс Декстер мелко жить не умел в принципе. Его до сих пор помнило добрых пять сотен бойцов, с которыми он воевал. И с остальными вещами в жизни сакса выходило похоже. Если бар – то их «Мамкин валик», названный в честь знаменитой прически космических пехотинцев уже давным-давно входил в пятерку самых известных орбитальных заведений Изюбра подобного типа, и неуклонно приближался к вершине. Если «окультуриваться» – то только лучшие музыкальные группы в этой половине галактики и самые модные ныне художники. Про проблемы, с ними связанные, помолчим, ладно (описано в романе «Все прелести Технократии»)? Виртуальный мир и уникальные игрушки? Да легко. Самые сложные игры – насквозь за месяц. А из галанета еще и вытащим самостоятельную электронную личность и заставим ее с нами дружить. Что еще...? Да что угодно.

Теперь вот неугомонный сакс, полтора месяца назад поспорив с их со Степой приятелями, загорелся кулинарией. И не просто кулинарией, а чтобы с подвывертом. Потому как и приятели не простые: как-никак владельцы, «Вершины Мира» одного из лучших ресторанов поверхности Изюбра. Как тут ударить в грязь лицом, не удивив их чем-то на самом деле необычным?

– Ассистент, говоришь, тебе нужен? – Донкат еще раз оглядел кухню.

На плите дымится огромная кастрюля, на центральном столе громоздится гора овощных очистков. Повсюду валяются остатки каких-то упаковок, контейнеров. В углу выстроились парадом стройные ряды каких-то баночек, баночулечек, баночаточек...

И, что самое интересное, умнейший кухонный автомат, способный все это делать самостоятельно и мгновение ока, в процессе приготовления не участвовал вообще, будучи почти скрыт от глаз какой-то кучей пакетов.

– Угу, – прогудел своим басом Декстер, не отвлекаясь от какого-то священнодействия, происходящего на плите.

Под его руками что-то бурлило, взбулькивало, исходило ароматным паром. Сакс бросил в кастрюлю щепотку чего-то белого, и его варево вдруг зашипело, поднялось и тут же опало. Степа даже хихикнул от пришедшего в голову сравнения.

– Шойс, – решил он тут же поделиться своими наблюдениями. – Ты сейчас на какого-то колдуна похож. Который волшебное зелье варит.

– А что? – гордо подбоченился Декстер, отвлекаясь на секунду от готовки. – Процесс приготовления по-настоящему вкусного блюда – это всегда волшебство.

Он, не выпуская из правой руки дымящегося половника, левой подхватил внушительного вида нож и начал водить им в воздухе, как будто рисуя магические знаки.

– Так что можешь считать меня волшебником, вышедшим из сказки, – завывая «волшебным» голосом, сообщил он.

– Из какой сказки? – недоверчиво сощурился Донкат.

Декстер, разведя руки с половником и ножом в стороны и становясь похожим на сбежавшего из зоопарка носорога в поварском колпаке, довольно осклабился.

– Из доброй, конечно.

Степа критично оглядел маньяческого вида тесачище, зажатый в лапе сакса.

– Выгнали? – понимающе поинтересовался он. – Главного героя отравил?

– Иди ты..., – возмутился было Шойс, но тут за его спиной, на плите что-то ядовито зашипело, и Декстер, забыв об обиде, бросился спасать свое творение, вернее, варение.

– Шойс, – Донкат начал разгребать пакеты, скрывающие кухонный автомат. – А с ним не проще было бы? Опять же и ассистент не нужен.

– Не трогай, – предостерег его сакс. – Настоящее блюдо должно быть приготовлено только своими руками. Тогда оно будет нести в себе отпечаток творца. И только тогда получается настоящий вкус.

– То есть все, что мы ели всю жизнь до этого – это было ненастоящим? – не поверил Степа.

– Мы говорим об искусстве, – Декстер, не отвлекаясь от помешивания, приподнял над головой половник. С него немедленно сорвалась зеленоватая капля и украсила плечо сакса пятном неправильной формы.

– Так ты теперь будешь все свое время посвящать искусству очистки овощей? – уточнил Степа. – Странное увлечение.

– Ты будешь посвящать, – мстительно поправил его Декстер. – А я буду радовать вас непревзойденным вкусом превосходных блюд.

– И не надейся – фыркнул Донкат. – Я эту вонь терпеть не буду. И кстати, а что на самом деле это воняет?

– Это? – Шойс завертел головой. – Это сыр.

– Сыр? – не поверил Донкат.

Но тут небольшой таймер рядом с Декстером издал противный писк, и сакс встрепнулся. Подхватив лежащую рядом крышку, Шойс накрыл ею свое варево и переставил его на край плиты. Отлив часть в какую-то миску, Декстер оставил, наконец, кастрюлю в покое, а сам занялся засыпанием в миску различных накрошенных и замоченных ингредиентов, стоявших

тут же. Периодически он поднимал голову и сверялся с документом, выведенным на небольшой экран униконпа, висящий над плитой перед его глазами. Декстер был настолько поглощен процессом, что Степе стало даже жалко его прерывать, выясняя про сыр и запах. Никуда они не денутся. Подождут.

Он достал сигарету, уселся поближе к одной из вытяжек, чтобы не добавлять сигаретного дыма к влажному туману, путешествующему по громадной (как и все в доме Декстера) кухне, и стал получать удовольствие от зрелища.

А посмотреть было на что. Шойс Декстер, оправдывая свой позывной-прозвище «Кабан», который к нему прилепился еще во времена наемничества, огромной (не толстой, но здоровой) тушей ворочался над плитой, беспрестанно что-то досыпая, помешивая, растирая и поминутно сверяясь с таблицей на экране. Непрерывное бубнение гулким Декстеровским басом перекрывало шум работающих вытяжек, да и всей остальной техники заодно.

Процесс и вправду походил на священнодействие, и под конец сигареты Степа все же не выдержал.

– Шойс, – позвал он, выпуская струю дыма в вытяжку. – А как у тебя вяжутся униконповские документы на стене и «отпечаток рук творца» при приготовлении блюда? Это что значит, автомат для очистки овощей использовать нельзя, а электронные таблицы – можно? Неправильно. Если уж решил «вернуться к корням», будь любезен пользоваться старинными носителями. Ты про бумажные книги слышал?

Он хихикнул про себя. Оказалось, совершенно напрасно.

– Это следующий этап, – провозгласил Декстер, что-то ожесточенно размешивая в миске. – У меня пока времени нет для личного путешествия в хранилища, а выбирать кулинарные манускрипты по галанету – это как-то моветон. Тут надо все руками пощупать. Почувствовать дух времени, так сказать.

Степе стало нехорошо. Путешествие за бумажными кулинарными книгами как-то плохо укладывалось в его картину жизни. Тут Декстер, кажется, перебрал. А ведь с него станется...

Тем временем, сакс, закончив свое камлание, с торжествующим видом повернулся к Степе, держа в руках полную ложку.

– Вот попробуй, что получилось, – расплылся он в улыбке.

Донкат недоверчиво глядя на сияющего сакса, аккуратно потянул немного густого супа из ложки.

– Вкусно? – довольно улыбнулся сакс.

– Гадость! – Донкат, в прямом смысле наплевав на чистоту кухни, раскрыл рот и часто-часто задышал, пытаясь погасить пожар, полыхнувший во рту. – Фу, ты меня отравить решил, как главного героя твоей сказки?

Степа завертелся на месте, не в силах терпеть жжение. В рот как будто бросили раскаленный уголь.

– А ты и есть главный герой той сказки, – невозмутимо подписал эпитафию Декстер.

– Спасибо, – не оценил шутку Донкат, отчаянно и безуспешно пытающийся соскрести остатки соуса с языка.

– Что это, Шойс?

– А что? – сакс засунул себе в рот оставшуюся ложку. Полную.

Степа даже на секунду позабыл про свою проблему, ожидая, как Декстер будет превращаться в огнедышащего дракона. Он, наконец, разобрался, что это за сказка, и про кого она.

И... и ничего. Декстер с задумчивым видом покатавал во рту свой химический боеприпас. Степу замутило.

– Да уж, немного перебрал я с чили, – посетовал Декстер и зачем-то полез в холодильник.

– Держи, – Шойс протянул Степе небольшую бутылочку с молоком.

– Это еще зачем? – покосился на него Степа, но бутылку все же взял. Ему сейчас что угодно шло, только бы не так горело во рту.

И, как ни странно, помогло. Молоко сгладило режущую боль и как будто даже охладило горящий язык. Правда, чуть погодя, ощущения начали возвращаться вновь. Донкат поспешно присосался к бутылке.

– М-м? Му-мм? – вопросительно промычал он, тыча пальцем в ложку, которую Шойс все еще держал в руке.

– Это? – сакс пожал плечами. – Это разведенный соус гуакамолем.

– Гуака... чтоле? – ради такого случая Степа даже забыл про жжение во рту. Тем более что молоко, как ни странно, помогло.

– Гуакамолем, – повторил Декстер. – Это рецепт такой древний. Просто туда чили можно класть, а можно не класть.

– А чили, это что? – насторожился Степа.

– Это то, от чего ты тут прыгаешь, – любезно объяснил сакс. – Перец такой.

– А где ты его взял?

– Где-где, – удивился Декстер. – На поверхности.

Он ткнул пальцем в пол, хотя, по справедливости стоило тыкать в стену: Изюбр находился по правую руку от висящего на геостационарной орбите астероидного поселка.

– И все остальное, тоже? – Степа начал что-то подозревать.

– А как же, – фыркнул сакс. – Готовить из вакуумных продуктов, это...

– Знаю, знаю, – замахал руками Донкат. – «Тогда оно не будет нести в себе отпечаток творца». Ты лучше скажи мне, а все остальные продукты ты тоже с поверхности привозишь?

– Зачем «привозишь»? – удивился Декстер. – Один раз съездил, выбрал, что мне надо, потом сами привозят. Как будто не ты у нас закупки контролируешь.

– Ничего себе, – удивился Степа. – А, может, их еще и выращивать самому надо? Ну, что бы уж совсем везде ты своими «отпечатками творца» наследил?

– Ты уж до полного-то идиотизма не доходи, – попросил его Декстер.

Степа озадачился, разглядывая заваленную всякой всячиной кухню и стараясь понять, где, по мнению Шойса, должна проходить грань этого самого «идиотизма».

– Так, а воняет-то у тебя что? – вспомнил он, потихоньку избавляясь от пожара во рту.

– Я ж говорю – сыр, – терпеливо пояснил Декстер. – Я его сделал и поставил готовиться.

– В смысле, «сделал»? – Степа, родившийся и выросший на орбитальных станциях, искренне считал, что все молочные продукты – это результат пищевых технологий, вызревающих в одних и тех же автоматах, наподобие того, который стоял перед ним. Только плотность у них разная и вкусовые добавки. Хотя, наверное, для большинства орбитальных станций галактики это так и было. А оказывается, вон оно как... – Сам порошки, что ли смешивал?

– Какие порошки? – не понял сакс. – При чем тут порошки?

– Ну, из которых сыр делается, – неуверенно пояснил Степа, начиная медленно подозревать, что мир может быть устроен несколько сложнее, чем он предполагал еще пару минут назад.

– Сыр делается из молока, – пояснил Декстер. – Или у тебя есть другая информация?

– Нет, ну понятно, что из молока, – фыркнул Степа. – Он же молочный продукт.

– Ага, с этим разобрались, – удовлетворенно кивнул Декстер. – А до этого?

– До этого? – вот тут у человека по имени Донкат, проведшего детство и юность в космосе, начинались системные пробелы в осознании мира. – До этого он, наверное, был частью молока.

– Логично, – поджал губы Декстер. – Пока мыслишь правильно. Тогда я по-другому спрошу: а молоко откуда берется?

– Откуда-то из коровы, – на сём биологические познания Степы исчерпались, и сакс это почувствовал.

– Не «откуда-то из коровы», – а коровы его дают.

– Ага, – развеселился Донкат. – Приносят каждый день в копытах и передают погрузчикам. А те сразу на орбиту.

– Ну, до погрузчиков там еще как до соседнего про-слоя, – не согласился Декстер. – Коров еще подоить надо.

– Чего с ними сделать? – удивился Степа. В орбитальном лексиконе «доить» означало начать получать энергоснабжение с только что запущенного источника.

– Та-ак – Декстер снял колпак и взлохматил смоляную шевелюру и без того пребывающую в художественном беспорядке. – Начинаю лекцию о базовом устройстве мира. Первое: молоко дают коровы, которые живут на поверхности. И чтобы получить это молоко, его надо выдоить из коров, этим занимаются специальные люди и для этого у них есть специальные приборы. О, – вдруг запнулся он. – А ты, часом, не про то молоко говоришь, которое на станциях замкнутого цикла пьют?

– А есть еще какое-то? – удивился Донкат.

Сакс закатил глаза.

– Э-э, это не совсем молоко, – пояснил сакс. – Можно сказать, что это вообще не молоко. Это набор химических соединений, по структуре и питательным свойствам очень близкий к молоку. Но не молоко.

– А написано «молоко», – не поверил Степа.

– На орбитальных контейнерах знаешь, что иногда написано разными хулиганами? – состроил рожу Декстер. – А на самом деле там руду возят.

Он оглянулся на плиту.

– Короче, поверь: молоко живое и молоко, производимое на орбите – два разных продукта. И сыр, я имею в виду настоящий сыр (который, кстати, подается и в нашем баре), можно делать только из живого молока. Чем я и занимаюсь. Но для него нужна закваска.

– Это она воняет, – догадался Степа.

– Ну, наверное, – пожал плечами Шойс. – Только я не стал бы уж совсем говорить, что «воняет». Ну, есть небольшой запах от скисшего молока и сычуга.

Донкат даже не стал отвлекаться на новое слово. И без него было достаточно.

– Небольшой запах? – удивился он. – Я бы сказал, что ты там пару-тройку врагов на части разделал и под кроватью забыл. Недели две назад.

– А-а, ты про это, – догадался Декстер. – Не, это не сыр. Это *гарум*.

– А это еще что? – вздохнул Донкат. – Опять взрыв желудка?

– Да ты понимаешь, – принялся объяснять Декстер. – Я рассудил, что, не освоив кулинарию наших корней... Ну, того, к чему люди, как вид генетически предрасположены, никогда настоящим поваром не станешь...

– А ты хочешь стать настоящим поваром? – прищурился Степа, но Шойс проигнорировал вопрос.

– Поэтому начать я решил с кухни Древнего Рима, слышал о таком?

– Слышал, – Степа решил не вдаваться в детали.

– Умница, – умилился Декстер. – Но у них в кулинарии как-то совсем все просто, и я решил взять только соус.

Донкат пожевал губами, вспоминая недавний пожар.

– Ты вообще, я смотрю, специалист по соусам.

– Так они любое блюдо шедевром сделают, – пожал плечами сакс. – В общем, это соус на основе рыбы.

– Тухлой, – уточнил Степа, демонстративно вертя носом.

– Засоленной, – поправил его Декстер. – И оставленной выдерживаться на пару месяцев.

– Что? – возопил Донкат. – Так ты собираешься всю эту бодягу длить пару месяцев?

– Кхм, – откашлялся в кулак Декстер. – Вообще-то, я планировал готовить несколько дольше. Мне это просто нравится. А что до сроков приготовления, то некоторые блюда выдерживаются и подольше. Например, один из сыров так вообще не раньше чем через полтора года готов будет. Я просто хочу доказать, что на орбите тоже можно...

– Стоп, – Степа выставил вперед руки. – Дальше не продолжай. Потому что если ты сейчас скажешь, что вместо управления баром, доведения до конца всех наших задумок, вечеринок, праздников, да и просто ведения нормального образа жизни ты собираешься сидеть тут, чистить овощи и варить свои зелья, отравляя орбитальное пространство, то я прямо сейчас звоню Эльвире Семеновне Ассендорф, помнишь еще такую? Она еще по совместительству твоя невеста...

Сакс скривился, показывая смешную шутку. Степа удовлетворенно кивнул.

– ... и говорю, что ближайшие полтора года она будет жить в доме, пропахшем тухлой рыбой. Она, соответственно, берет под мышку уже мою невесту, Селену Дмитриевну Коваль, пару плазменников, и вот тогда, Шойс, мы еще посмотрим, что ты каждое утро будешь есть на завтрак. Я так думаю, что кашу из автомата. И это еще в лучшем случае.

– Не переживай, – ухмыльнулся Декстер. – Гарум я только вчера сделал и сегодня же вниз оправлю, потому что его на солнце надо выдерживать...

Донкат с трудом подавил рвотный позыв, представив себе результат этого «производства». И тут же вскинул брови. О! Точно!

– А кстати, Шойс, а ты время видел?

Сакс повернулся к витрансу, в углу которого светились цифры орбитального времени, синхронизированные с временным поясом поверхности Изюбра, над которым висел поселок, и замер.

– Ой. Не рассчитал.

– Вот и я так подумал, – сокрушенно покачал головой Степа. – Они тут будут через минут двадцать. Ты не забыл, что пригласил нас всех на экскурсию и обещал нечто неординарное?

Он подозрительно посмотрел на Декстера.

– Только не говори, что это будет экскурсия на молочную ферму или рыбное хозяйство.

– Ну-у, – протянул Декстер, – не совсем, чтобы на ферму...

– Вешайся, – посоветовал Степа. – Прямо сейчас. Тогда я еще как-то смогу объяснить, почему в доме пахнет тухлятиной. Во всех остальных случаях твой сыр будут доедать уже другие. Селена с Элечкой настроены на романтический вечер, и одеты будут соответственно.

Сакс сглотнул и обвел глазами захлавленную кухню.

– Поможешь убратся?

Глава 2

Дом напоминал разворошенный муравейник. Кто-то нес какие-то тюки, кто-то гремел на кухне посудой, кто-то носился с горой подушек, не зная, куда бы ее пристроить. Это бы все очень напоминало обычный переезд, если бы не страх на лицах людей, если бы не суетливость движений, не прикрикивающие мужчины то и дело поглядывающие на часы и не Евлампий Егорович Турухтанов, уже почти восьмой час сидящий перед включенным ком-центром, отдающий приказания, распоряжения, команды, наставления...

– Евлампий Егорович, – в комнату заглянул запыхавшийся Пафнутий. – «Полевика» привезли. Вам сюда доставить?

– Да, Пафнутий, – задумчиво кивнул Турухтанов.

Пафнутий не успел выйти, как дверь вновь открылась, и в комнату вошел, сверкая новеньким покрытием «Полевика», молодой мужчина, катящий за собой на мягкой платформе прямоугольный транспортный короб.

– Евлампий Егорович.

– Здравствуй, Матвей, – Турухтанов оторвался, наконец, от ком-центра. – И рад тебя видеть, и ... даже не знаю что.

Он с невеселой улыбкой оглядел вошедшего мужчину. Вид Матвея настолько диссонировал с окружающей обстановкой, что казалось, он пришел сюда из другого мира. И в каком-то смысле, так оно и было. В противоположность неброскому, добротному, где-то даже архаичному убранству дома, мужчина щеголял блеском полевой облегченной полуброни, стоящей на вооружении космоштурма.

В отличие от убэаса, предназначенного для ведения боевых действий в составе подразделений, комплект облегченной индивидуальной защиты, КОЗ012, «полевик», как его прозвали космоштурмы, для драки «стенка на стенку» не подходил совершенно. Тонкие гибкие армитоновые пластины «полевика» с изоляционной пропиткой, защищающей от разрядов импульсников, заряда плазмы уже не выдерживали. Но им и не надо было. «Полевик» был предназначен для другого. Короткие схватки в переполненных помещениях. Уличные стычки. Захват пленных. То есть операции, где принципиальным фактором была скорость, а защита шла лишь сопутствующей функцией. Хотя, если не стрелять по «полевикам» из плазмы, то и защита у них тоже была вполне на уровне. Еще одним его преимуществом была мимикрирующая маскировка, позволяющая бойцу до определенной степени сливаться с окружающим пейзажем. Но сейчас, чтобы не зря не расходовать батареи, эта функция была отключена, и Матвей представлял эдаким рыцарем в сверкающих доспехах.

Среднего роста, плечистый, он никак не походил на остальных бородатых и степенных мужчин, которых можно было встретить на хуторе. И дело даже было не в том, что в отличие от остальных, лицо Матвея было гладко выбрито, а волосы подстрижены коротко. Дело было в движениях. Матвей двигался так, как будто броня «полевика» не была для него обыкновенной одеждой, не доставляющей никаких неудобств. Мало того, он умело и с удовольствием пользовался всеми преимуществами, которые предоставляли усиленные экзо-мускулы легкого скафандра.

Без видимых усилий закатив транспортный короб в комнату, Матвей поднял забрало шлема и расплылся в улыбке.

– Еще раз здравствуйте, дядя Евлампий. Вот, принимайте одежду. Теперь без нее никуда. Вам, так особенно.

– Да, какой я тебе «дядя», – Турухтанов с усилием поднялся из-за ком-центра, потер поясницу. – Все не повзрослеешь, Матвей.

– Ну не «старец Евлампий» мне же вас называть, – чуть улыбнулся Матвей. – А про «повзрослеешь» я даже и не знаю, что сказать. Каковы, по-вашему, критерии взросления?

– Ответственность, – вздохнул Турухтанов. – Хотя, сынок, сейчас у тебя ее будет выше головы. А про «старца», – он усмехнулся, – ты прав. Я, к счастью, до старца еще не дожил.

Он посмотрел Матвею в глаза и посерьезнел.

– И теперь даже не знаю, доживу ли.

– Доживете, – уверено пообещал Матвей. – Если успеем провести всю эвакуацию, как положено, – доживете. Сейчас «Белое Место» хоть и активно, но входить туда можно безбоязненно.

– А потом? – напрягся Турухтанов.

– Кто знает, – пожал плечами Матвей. – Я могу чувствовать только его состояние. Общаться – это не по моей части. Но в любом случае, там будет лучше, чем здесь, это я могу точно сказать.

– Все так плохо? – подобрался Евлампий Егорович. – Еще смерти были?

– Восемь, – из глаз Матвея ушла легкость. – Не смертей, но попыток самоубийства. И, что характерно, все остались живы. Мало того, кроме двух самых первых случаев, тех, с парнем, бросившимся под боты и пытавшегося застрелиться лейтенанта милиции, все остальные уже в полном порядке. Ничего похожего в архивах не было.

– Разрушения?

– Нет, – поджал губы Матвей. – Ничего схожего с прошлыми событиями.

– Так, может, все не так уж и плохо? – во взгляде Турухтанова появилась надежда.

И тут же погасла: Матвей покачал головой.

– Нет, дядя Евлампий, я говорил с одним из них. Таиксана попал на министра связи всего Пепла, я чувствую.

– Блокирует связь? – теперь Евлампий Егорович напоминал охотящегося хищника.

– Вряд ли, – не согласился Матвей. – Как он может ее заблокировать один? Да и зачем? Что мы можем сейчас сказать? «У нас десять попыток самоубийств, никто не погиб, но мы чувствуем Таиксану»? Пришлите к нам, пожалуйста, несколько штурм-флотов, чтобы ... сделать что? Глупость получится. И в прошлые разы нам никто не поверил, а в этот, так тем более.

– Пока все не случится, а потом уже поздно будет, – задумчиво проговорил Турухтанов. И вскинул голову. – Но ведь были же те, кто поверил.

– Были, – согласился Матвей. – И мы отправили сообщение. Они сказали, что вышлют специалистов, чтобы они разобрались на месте.

– Какое «разобрались»? – вскинулся Турухтанов. – Тут на самом деле нужны уже штурм-флоты. Они представляют, сколько сейчас на Пепле сосредоточено людей, оружия? Крайний контра-слой государства... За нами только космос...

– Представляют, – еще раз тяжело вздохнул Матвей. – И именно поэтому им нужны факты. А без них – к нам придут только специалисты.

– Тут уже недавно были «специалисты», – Евлампий Егорович с неожиданной агрессией посмотрел на Матвея. – С твоей, кстати, подачи. И не они ли все струнули?

– Могли и они, – Матвей бестрепетно встретил взгляд Турухтанова. – Но только «белое место» однозначно показало на них обоих. Да и толку с запоздалых раскаяний? Нам надо думать, что делать сейчас.

– Эвакуация, – веско произнес Турухтанов. – Полная эвакуация по всем правилам. Ты не застал последнюю вспышку, а ее помню, хоть и был тогда мальчишкой.

Он с силой потер лицо руками, оставляя на нем красные полосы.

– Эта дрянь косила всех подряд. Люди гибли по несколько десятков человек за час. И каждый перед своей смертью готовил ее для других. И тоже тогда никто не верил. А потом...

Он замолчал, глядя перед собой остановившимся взглядом.

– Только бы он в космос не вырвался...

И почти сразу очнулся.

– Короче, давай сюда твою броню. И подгони там всех, чтобы побыстрее шевелились. Попробуем спасти хотя бы тех, кого сможем. И проверь запасы антидота...

Как бы конструкторы ни старались сделать «полевик» максимально удобным в повседневной жизни, навык в обращении с ним иметь все же было необходимо.

Кушетка перед большим экраном витранса жалобно скрипнула, когда облаченный в полный комплект Турухтанов, не рассчитав усилия, со всего размаха плюхнулся на низкое сидение. Одна из ножек предательски хрустнула, и всю конструкцию повело вбок. Никто даже внимания на это не обратил. Все взгляды были прикованы к выпуску новостей.

– ... По всему Пеплу прокатилась ничем не объяснимая волна техногенных катастроф, в большинстве своем вызванная человеческим фактором, – сообщила с экрана диктор.

– Не в большинстве, а только человеческим фактором, – мрачно поправил диктора Турухтанов. – Внимательнее надо быть.

Диктор, естественно, его не услышала.

– ... выход из строя блоков управления энергетическими системами, сбои в работе трафик-систем, управляющих как наземными, так и воздушными потоками. Перебой с водоснабжением...

– Ищет, где ущерб будет максимальным, – тихо прокомментировал Матвей.

– ... практически каждая катастрофа сопровождается человеческими жертвами. На данный момент количество погибших составляет тридцать шесть человек, количество раненых, по последним данным превышает триста восемьдесят человек.

– Почему они не показывают топографическую схему? – возмутился Матвей. – Ведь сразу можно же понять, куда он направляется. Если в сторону армейских складов...

Он замолчал.

– ... тогда оттуда надо бежать как можно скорее, – мрачно закончил за него Турухтанов. – И зачем они будут это сообщать? Чтобы паника началась? Так это одно из условий, к которому он должен стремиться.

– Евлампий Егорович, – влетел в комнату какой-то парень, – экстренный вызов.

– Принято, – Турухтанов включил ком-центр.

– Это я, – донесся из ком-центра хриплый мужской голос. Изображение не появилось. – Тут какие-то люди. Хотя бы сюды, к нам, типа.

– Ни в коем случае, – вскинулся Турухтанов. – Это частная территория. При пересечении периметра – огонь на поражение. Никого. Ни милицию, ни военных, никого... Слышишь меня?

– Слышу, – отозвался голос. – Я ж им и говорю, что нельзя. А они хотят и хотят.

– Огонь на поражение! – металлическим голосом приказал Турухтанов. – Если прорвутся – все тут погибнем. Все, выполнять.

– Есть, – притихшим голосом отозвался мужчина.

– И еще, – к ком-центру подошел Матвей. – Ерофеич, ты в следующий раз представляйся, ладно?

– Буду, – прохрипел динамик и отключился.

Матвей развернулся к Турухтанову.

– Вот в таких случаях, дядя Евлампий я и вспоминаю, что вы были полковником космоштурма.

– Тогда еще вспомни, как выполняются приказы, – Турухтанов поднялся с покаленной тахты. – И бегом на выход. Все, дальше ждать не можем. Что не собрано, уже не соберем. Отдавай команду на погрузку в боты. Уходим.

– ... и только что к нам поступило сообщение о еще одном происшествии, – голос диктора витранса вдруг прорезал разговор. – На территории одной из частей космоштурма, дислоцированной на территории Осташинска, произошел мощный взрыв. Данные о погибших и пострадавших уточняются. В связи с произошедшим, департамент внутренних дел Пепла просит граждан сохранять...

Турухтанов переглянулся с Матвеем, нахмурился и резко мотнул головой в сторону выхода. Матвея вымело из комнаты.

– ... Мы будем держать вас в курсе событий, – любезно сообщила с экрана диктор.

Турухтанов выключил витранс.

* * *

– Назад! – металлический голос, усиленный громкоговорителем, разнесся над дорогой, проложенной ровно посередине огромного, теряющегося в туманной вечерней дымке поля. – Это частная территория. Никого не пустим. Перейдете линию, будем стрелять.

– Они имеют право? – высокомерно поинтересовался у спутников плотный мужчина в дорогом тканевом костюме, совершенно непрактичным в этом месте и на этой планете. Мощный бот, в котором сидело несколько человек, замер на краю поля.

– К сожалению, да, – неуверенно подтвердил сидящий рядом с пилотом мужчина, одетый в форму пограничного контингента космоштурма. – Хотя, я еще ни разу не видел с их стороны такой агрессии. Но стрелять, если нет ордера, они могут. Да и вооружение у них есть. Я всегда еще думал, зачем оно им?

– Что за вооружение? – поинтересовался высокомерный мужчина.

– Станковые плазменники, предназначенные для организации обороны, – пояснил пограничник. – Есть еще передвижные системы ПВО.

– К чему они готовились? – мужчина приподнял бровь.

– Мне сложно судить, – откашлялся пограничник. – Но, судя по всему, нам не стоит пытаться пересечь границу частных владений. Помимо плазменников у них есть еще очень неплохие юристы.

– И как далеко отсюда они находятся, по-вашему? – надменный мужчина пристально взгляделся в стремительно темнеющую даль.

– Километр, может полтора, – пожал плечами пограничник. – А может и больше. Дальность плазменников позволяет.

– Пилот, полметра вперед, – скомандовал мужчина в костюме. – Мы ведь еще ничего не нарушаем?

Бот, ведомый опытной рукой пилота, медленно сдвинулся вперед, почти вплотную приблизившись к невысокому столбику с информационной табличкой, оповещающей, что далее начинается частное владение общины... И тут же метрах в десяти перед ним вспух оранжевый шар плазменного взрыва. По лобовому стеклу бота забарабанили дымящиеся комья земли.

– Назад! – резко приказал пограничник и тут же, словно извиняясь, посмотрел на мужчину в дорогом костюме. – Прошу простить, но со «старообрядцами» на самом деле что-то случилось.

Он попытался неуклюжей шуткой сгладить неловкость.

– Наверное, переели своего салата, этой, как ее..., таиксаны.

Мужчина впервые за весь разговор перевел взгляд на пограничника и тот почему-то мгновенно вспотел, хотя кондиционеры в боте работали вполне исправно. Было что-то жуткое в этом взгляде.

– Таиксаны, говорите? – в глазах мужчины зажглись непонятные огоньки. – Ну, пусть тогда едят ее дальше. Пока...

И, не дав пограничнику испугаться еще сильнее, дотронулся до плеча пилота.

– Разворачиваемся. Поехали обратно. У нас еще куча дел.

Сидящие в салоне мужчины, не принимавшие участия в разговоре, удивленно переглянулись с пограничником. Какие дела? За окном бота окрестные поля все больше и больше заволакивались уже даже не вечерней – ночной мглой. О каких делах речь?

– Слышь, Ерофеич, – позвал сидящего в сиденье наводчика пожилой мужчина одетый, как и все на хуторе, в груботканые штаны, рубашку и куртку. – А может, зря мы с ними так, а? Хорошие ведь люди.

– Не зря, – Ерофеич ответственно, как положено по инструкции, всматривался в экран радара. – Турухтан просто так языком болтать не будет. Сказано, пришло время, проснулся Таиксана, значит, так оно и есть. А этот гад запросто может с человека на человека скакать, что твоя блоха. Только глазом глянет – и все, пропал человек. А выйти ему оттуда, из головы, то есть, – никак, кроме, как, значит, через смерть того, в ком он сидит. Потому Турухтан и сказал никого не пускать. Потому и мы снимаемся, да к Белому Месту идем, там у Таиксаны власти нет.

– Да Турухтан-то откуда знает? – фыркнули из темноты.

– А ты прежде чем языком-то болтать, – обозлился вдруг Ерофеич, – историю бы Пепла-то почитал. Кому и не знать про Таиксану, как не ему. Это же его дед в последний раз его обратно загонял. Как есть загнал и внукам, нам то есть, заповедовал. Ни-ни. Салат по рецепту делать и каждый день есть, сколько сказано. А буде появится кто похожий – тут же бежать в Белое Место. А эти, – Ерофеич с превосходством кивнул в сторону, куда улетел бот, – ежели забыли завет, то путь сами и разбираются, коли голова не дорога...

И, словно в подтверждение его слов, где-то далеко на горизонте, там, где начинался город, столбом встало зарево, и тут же долетел глухой звук взрыва.

Караульные переглянулись, блеснув в подступающей тьме белками глаз, и еще крепче ухватились за рукоятки плазменников. Похоже, Евлампий Егорович Турухтанов не зря слушал своего деда...

Глава 3

Декстера спасло чудо.

Вообще-то чудом это счел только сам Декстер, но все же это было лучше, чем многообещающее мрачное молчание, которое воцарилось в «Тарантуле», огромном боте Шойса, когда он стартовал с поверхности.

Декстер вообще-то слыл мастером неожиданных приятных сюрпризов, которые он мог как фокусник в цирке вытаскивать практически из-за уха. Чего только стоили его приглашения на северные водопады Изюбра, которые многометровыми каскадами с грохотом низвергались в скрытые пеленой водной пыли ущелья. Или горные озера, замершие посреди молчаливой торжественности вековых скал. Или насквозь просвечиваемые вечерним солнцем лесистые холмы средней полосы, сбрызнутые хрустальными каплями родников. Каждая такая поездка становилась незабываемой. И в каждом случае Декстер продумывал любую мелочь, вплоть до туалетных принадлежностей и переносных кроватей, если кому-нибудь вдруг захочется вздремнуть на свежем воздухе.

Но в этот раз почти патентованное Декстеровское чувство прекрасного, кажется, дало сбой.

И все было бы ничего, но вот в программу посещения рыбной фермы, на которой разводилось более двухсот редчайших и вкуснейших видов рыб, моллюсков и другой живности, собранных со всей галактики, помимо наблюдения за этими существами, обедом с тройной переменной главных блюд и еще кучей всяких интересностей, входила еще и рыбалка. Если брать, например, Степу, то он вообще, как человек, лишенный этого развлечения в детстве, питал к ней особую страсть, но страсть эту разделял с ним только сам Декстер. Что касалось Селены, то это уже было просто вежливое терпение. А вот Элечка вообще, сбитая с толку рассказами Декстера о «восхитительном ужине» (он, кстати, не соврал ни капли – ужин был и вправду восхитительно вкусен), не учла, что собственно принятие пищи может быть совмещено с пребыванием на открытом воздухе. То есть, на берегу живописного озера. Ну, и оделась соответственно. А Декстер, и так выбивавшийся из графика со своей готовкой, решил, что переодевание займет слишком много времени (и тут он тоже был абсолютно прав), и решил, что «сойдет и так».

Не сошло...

Выделенный им в поддержку служитель фермы-заповедника с каким-то сожалением оглядел одетых как на парад девушек, сочувственно посмотрел на Декстера и начал экскурсию.

Прогулку в вечерних туфлях по берегу разделенного на множество естественных бочажков озера девушки еще как-то пережили. Брызги от ударов хвостов экзотических монстриков, содержащихся в открытых вольерах, – тоже. Правда, уже с трудом. Но вот сама рыбалка, где приходилось копаться в наживке и уворачиваться от бьющихся на берегу трофеев, превратилась уже в некое подобие революционной площадки. А последующий ужин на открытом воздухе, хоть и проходил в живописнейшем месте на берегу озера, но все же требовал несколько иных навыков, нежели умение укладывать на колени салфетку. Да еще и истекающая соком только что приготовленная рыба, подаваемая на свежем озерном ветру...

Началось все с того, что заляпанная жиром салфетка вырвалась из рук Декстера и приземлилась ровно на новое, недавно выбранное Элечкой платье...

Дальше надо продолжать?

А всего-то и надо было, что одеть походные костюмы. И жизнь заиграла бы совсем другими красками. Шойс и вправду подготовился на «отлично». Но увы, увы. ... Обманутые ожидания.

В итоге в бот все грузились в полном молчании, потому что Элечка никогда не устраивала Декстеру сцен на людях, Селена была слишком деликатна для высказывания недовольства человеку, который лез из кожи вон, чтобы им понравилось, а Степа... А Степе все и так понравилось. Но признаться в этом он не рискнул. Потом как-нибудь, попозже...

Посадочная тишина сменилась тишиной полетной. Селена украдкой оценивала повреждения, нанесенные маникюру и новым туфлям, Элечка с олимпийским спокойствием античной богини рассматривала жирные пятна на платье, Степа курил, стараясь, чтобы дым не летал сильно по салону и не мешал никому, а Декстер вел «Тарантул», подчеркнуто внимательно прислушиваясь к каждому сообщению трафик-диспетчеров. Его еще ждал дома развал на кухне (до конца они с Донкатом убраться так и не успели) и остаточный запах оставленного на рыбной ферме «гарума». А ведь был еще и сыр...

В общем, вечер «задался», что и говорить.

И вот в этой-то ситуации и раздался вызов гала-связи, показывающий, что Декстеру звонят откуда-то аж из другого слоя.

– Мистер Декстер, вам поступило сообщение из четвертого про-слоя РФМ, – мягким голосом сообщила автоматика бота. – Примете его сейчас, или сохранить на базовом центре?

– Сейчас, – немедленно схватился за возможность хоть как-то разрядить обстановку несчастный сакс.

– Как вам будет угодно, – согласился автомат, и над консолью ком-центра «Тарантула» появилась небольшая трехмерная фигура представительного мужчины, одетого в белоснежные поварские одежды.

– Уважаемый господин Декстер, – начал мужчина, обращаясь почему-то к сидящей на пассажирском сиденье Элечке. Нет, понятно, что это запись, но выглядело довольно забавно. – Конкурсная комиссия Всероссийского фестиваля «Кулинарная Ойкумена» рассмотрела вашу заявку на участие в конкурсе и имеет честь сообщить вам, что ваше предложение рассмотрено, и вы приглашаетесь к участию в очередном отборочном этапе конкурса, который пройдет в Шестом про-слое Российской Федерации Миров. Детали участия вы можете узнать из сопроводительного письма. Мы будем рады видеть вас участником фестиваля. Благодарю.

Фигурка церемонно поклонилась Элечке и растаяла в воздухе.

– Заявка на участие, Шойс? – вопросительно подняла бровь Элечка прежде, чем сакс успел издать торжествующий рев, от которого несомненно полопались бы стекла в боте. Вообще-то таким тоном задают вопросы типа: «а не хочешь ли ты, милый, немедленно совершить сепукку?», но Декстера с хорошего настроения сбить было трудно. Уж если он решил, что все хорошо, держите его семеро, шестеро уже не удержат.

– Да, да, да, – Декстер сжал огромный кулачище и затряс им перед носом. – Я знал, что им понравится.

– А что именно им должно было понравиться? – подозрительно поинтересовался Степа. Судя по тому, что он видел на кухне у Декстера, неведомые члены комиссии сильно рисковали. Хотя, если судить по сообщению, вроде, пронесло.

От Степиного тона даже Элечка перестала хмуриться.

– О-о, – поднял палец сакс. – Это было что-то.

– И когда-то, – уточнила Элечка. – Причем мне ты об этом не сказал.

– Сглазить боялся, – признался Декстер, сделав большие глаза. – Но теперь-то можно.

Он перебрался на панели несколько тумблеров, вбивая маршрут и передавая управление автомату, и начал большим медведем выбираться из кресла.

– Все в каюту, – возвестил он, пробираясь между креслами. – Праздновать будем.

Вообще-то в таком настроении, которое витало в боте, скорее уместно было о чем-нибудь скорбеть, нежели праздновать, но Декстер имел обыкновение в хорошем настроении заражать

своей неумной энергией всех окружающих. А после получения сообщения это самое хорошее настроение начало извергаться из него, как лава из вулкана.

– Элочка, солнце мое, – заполнил кабину бота густой бас Декстера. – Ты сожалеешь о платье? Забудь. Без него тебе гораздо лучше, – и, не давая ей даже вставить ничего уничижительного, рассыпал щедрым жестом: – Ты знаешь, где именно будет проходить «Ойкумена»? О нет, ты не знаешь. Это же четвертый про-слой. Планета называется Девана. Никому ничего не говорит?

Во взгляде Элочки появилась легкая задумчивость. Она остановилась. Ну, не то, чтобы совсем уж остановилась, но во всяком случае, она уже не была похожа на ледяную амазонку, готовую немедленно проткнуть сакса копьём.

Степа скосил глаза направо, на Селену. На ее лице поселилось схожее выражение в смысле: «ну, а почему собственно-то бы и нет?». Донкат с трудом удержался от смешка. Ай да Шойс, ай да Декстер. Одним движением превратил поражение в победу. И, что самое главное, ловкость рук и никакого мошенничества. Селена вынырнула из задумчивости и поймала взгляд Степы.

– Как скажешь, любимая, – нарочито чувственно повел бровями он.

– Это ты сейчас иронизировать решил? – невинно поинтересовалась Селена.

– Куда уж тут еще иронизировать, – фыркнул Донкат. – Путешествие в один из галактических центров моды. Более ироничным я еще не был.

– А я еще и календарь проверил специально, – Декстер как огромный мультяшный медведь с невинным видом начал вдруг рассматривать потолок кабины. – Там в это время три показа моды будет проходить.

Степа разве что аплодировать не начал. Шойс Декстер не зря остался в живых после двадцати с лишним лет наемничества в постоянно воюющей «Лунной Дороге». Он ничего не оставлял на волю случая. И каждое свое мероприятие он планировал, как боевую операцию. С разведанными, путями наступления, отходов, поддержкой с воздуха и подвозом боеприпасов. И, судя по всему, конкретно этот бой он тоже собирался выиграть. Хотя, почему «собирался»? Он его выиграл.

– Там будет три таких платья, – Шойс указал на жирное пятно на подоле Элочки. – Или пять. Так что, едем?

– Шойс, вот ты знаешь, за что я тебя люблю? – и ледяная маска Элочки треснула. Она просто не могла не треснуть.

– За то что я сильный и красивый, наверное, – осклабился сакс, посверкивая всем великолепием многочисленного пирсинга. – А еще умный и запасливый.

Он открыл заднюю часть салона, которая являлась небольшой каюткой, в которой обычно начинались празднования, если не было сил терпеть до дома. До этого она была закрыта – отмечать нечего было. Теперь есть. Сакс развернулся, послал воздушный поцелуй Элочке и подмигнул Селене.

– Правда, тебе тоже нравится моя идея?

Он перевел взгляд на Степу.

– Ну, тебя не спрашиваю, ты и так в восторге.

– Паразит, – Донкат, фыркнув, пропихнул Декстера в каютку. – Есть свою кулинарию сам будешь.

– Смотри, – пообещал в ответ сакс. – Еще упрашивать будешь. А я не дам...

– Да куда ты денешься, – фыркнул Степа, помогая вылезти из кресел девушкам. – Чей еще желудок способен с этим справиться?

Стоящая уже на порожке каюты Элочка демонстративно попыталась отчистить жир с подола платья и Шойс решил не развивать тему дальше.

Космос, он большой. И пустой. Чего в нем лететь-то, если все трафик-каналы четко прописаны, орбита изъезжена вдоль и поперек и с маршрутом до дома автомат справится ничуть не хуже любого пилота. Ну, медленнее, понятно, но так им и спешить-то некуда.

Огромный, пригодный хоть для пространственного десантирования в составе подразделений космоштурма декстеровский «Тарантул» неспешно плыл себе в орбитальном пространстве Изюбра, ведомый автопилотом. А в небольшой каютке, Декстер, разлил по бокалам кому что нравится (девушкам – вино, себе со Степой – пива), благодушно откинулся на подушки диванчика, вдумчиво повествуя, как он дошел до жизни повара-конкурсанта.

– У них для этого целая процедура разработана, – вещал сакс, неспешно отхлебывая их бокала «Цефей VV» (по их со Степой единодушному мнению, лучшее пиво в этой половине обитаемой галактики). – Участнику высылается комплект анализаторов, которые считывают все параметры блюда. Ну, там вес, цвет, запах даже. Да там море пунктов вплоть до температуры подачи и, естественно, самого вкуса. Потом специальная программка это все аккуратно упаковывает, систематизирует и отправляет в жюри. Ну, а дальше начинается собственно отбор.

– А они не разорятся на этих анализаторах? – Степе, как ответственному за коммерческую составляющую их совместного бизнеса, стал интересен денежный вопрос. – Это ж сколько народу-то хочет участвовать по галактике...

– Так они же не бесплатно их высылают, – Декстер отер с губ пену и потянулся за сигаретой. – Заявку оплачиваешь, тогда и получаешь. Да и сам конкурс не бесплатный. Призы денежные – только первой сотне.

– На какое-то мошенничество похоже, – чуть нахмурился Донкат.

– Ну, мошенничество тут будет, только если сам конкурс не состоится, – пожал плечами Декстер. – Но тогда это будет больше похоже на воровство. Вот только «Кулинарной Ойкумене» уже лет сто пятьдесят. И еще ни разу она не срывалась. Да и меня никто туда не тянул. Я их сам нашел, сам захотел участвовать, вот мне правила и рассказали. Хочешь – посылаешь заявку. Не хочешь – сиди дома, радуй домочадцев.

– А тебе славы захотелось? – тонко улыбнулась Элечка. Степа с Селеной тоже не удержались от усмешек: общественное признание было одним из немногих слабых мест Декстера. Хотя, и остальные слабости почти в полном составе тоже присутствовали прямо тут. Боты: свой «Тарантул» Шойс холил и лелеял. Женщины, вернее Женщина: Элечка. И друзья, на данный момент представленные Селеной и Степой.

Не хватало только последнего пункта – оружия, но в случае с Декстером никогда нельзя было быть уверенным до конца. У старого милитариста, до сих пор мучающего Донката регулярными вылазками на необитаемые астероиды в полном боевом оснащении (полностью снаряженный убээс, плазменник, импульсник и дневной комплект боеприпасов), запросто могло быть припрятана в том же «Тарантуле» пара станковых или зенитных излучателей.

– При чем тут слава? – оскорбился Декстер, как будто его в каннибализме пытались обвинить. – Просто искусство не должно лежать под спудом.

– В преклонении перед собой любимым тебя, конечно, не упрекнешь, – многозначительно почесал бровь Степа. – У тебя его и так через край.

– Но-но, – покачал толстым пальцем Декстер. – Я попрошу... А для чего я все это готовлю, как не для искусства? Поесть на этом шарике, – он ткнул рукой за борт, где неспешно плыл голубоватый Изюбр, – я всегда найду. Да так, что вкусно будет не только мне, но и всем вокруг.

Он сделал затяжку и его взгляд умчался в дали галактики, скрытые загадочными туманностями.

– Я творчества хочу, – поведал он. – Полета души. Потому что только оно придает жизни смысл.

Декстер вернулся обратно на борт «Тарантула».

– И в отношении вас – тоже. Ну, согласитесь, вам же было бы гораздо менее интересно общаться со мной, если бы не было всех моих увлечений.

– Да как тебе сказать, – Степа опередил обеих девушек, собравшихся, похоже, поахать в ответ на проникновенную речь сакса. – В половине случаев я бы с огромным удовольствием поскучал бы дома...

Он вздохнул.

– А в другой половине... Да, ты, наверное, прав. Наша жизнь не была бы такой полной, – и тут же хитро прищурился. – Ты только в будущем постарайся почетче отделять эти половины друг от друга.

Декстер в ответ на это ехидство прицелился в него взглядом.

– Нет, я чувствую, мне однозначно надо на этот конкурс ехать. Если уж наша штатная зануда говорит, что не против моего нового увлечения, то я просто обязан там победить.

– Гад, – Степа несильно пнул Шойса под столом под аккомпанемент смеха девушек.

Так они и поехали дальше. За бортом стыл в своей ледяной вечности космос, расцвеченный сверкающими кристаллами звезд, а в одной небольшой коробочке по имени «Тарантул», ползущей по его бесконечному полотну, полным ходом шло веселье. Вечер, похоже, исправился окончательно.

Да еще и впереди столько интересного ждет...

Глава 4

– Это они, они во всем виноваты!!! – плотный мужчина с хорошо поставленным голосом бросал фразы в собравшуюся толпу, как камни в озеро.

И точно так же, как и от брошенных камней, от этих злых фраз по толпе начинали расходиться круги. Поначалу это был просто легкий шелест. Говорок. Повторение. Обсуждение. Но постепенно этот говорок начинал перерастать во все более и более громкий гул. Люди поворачивались друг к другу, что-то друг другу доказывали, объясняли. С чем-то соглашались, с чем-то нет. Как водится, у заявленных тезисов тут же нашлись как ярые сторонники, так и противники. И вот в некоторых местах обсуждение уже начало переходит в яростный спор. Кто-то кого-то взял за грудки. Кто-то кого-то толкнул. То тут, то там начали вспыхивать потасовки, грозящие перейти в массовые драки. Милицейские наряды в матовой городской полуброне прорезали толпу достаточно легко, добираясь до ближайших стычек, но их становилось все больше и больше, тем более, что в самый центр толпы патрули не шли. Это и опасно и бесполезно: с каждым разом люди все менее охотно расступались перед патрульными, все больше проявляя сочувствие к спорящим и все меньше помогая милиции. У каждого была своя точка зрения на лозунги, бросаемые с трибуны плотным мужчиной, и милиция, не принимающая ни одну из сторон в разгорающемся с каждой минутой споре, вызывала все большее раздражение.

И вот уже кто-то хлопнул по спине проходящего мимо патрульного. Тот отмахнулся, и бузотер схватился за плечо. Толпа ответила недовольным гулом. Вот еще один отчаянный со всей силы врезал сзади по шлему озирающемуся патрульному ..., и спрятался за спинами соседей. Патрульный резко развернулся, встретился глазами с кем-то ухмыляющимся (как же, навалили этому индюку) и, недолго думая, двинул по нему бронированным кулаком. Несильно, просто чтобы показать, что не надо стучать по голове милицию при исполнении...

Ответом ему была безудержная ярость. Как так?! Невиновного?! Кулаком?! Ах ты гад!!!

– Они нас всех тут так, броней по лицу, – вдруг раздался чей-то тонкий голос. – Бей его!

И патрульный скрылся под валом тел. Психология толпы – штука страшная и не всегда предсказуемая.

Понятно, что опыта у милиции в разгоне стихийных волнений не было. Ну когда, скажите, такое было на спокойном Пепле? Но коллеги все же отстояли патрульного, вырвав его из-под груды тел: городская броня защищает достаточно неплохо. Вырвали, вытащили из толпы и замерли на краю все больше и больше распяляющегося людского моря, пока не рискующего в открытую броситься на бронированный строй. Тонкая серая цепочка, огораживающая закипающий котел.

– Слышь, Сашка, – позвал стоящего рядом с ним плечом к плечу коллегу один из патрульных, зажав рукой микрофон шлема. – Мало нас. Если разом бросятся, не удержим.

– И что предлагаешь? – так же, прикрыв микрофон, отозвался Сашка. – Больше-то не будет. И так все здесь, только дежурных оставили. Уходить нельзя никак. Только уйдем, тут такое начнется... А потом по всему городу... Ты посмотри, они все как с ума посходили. Кто ж знал, что такое начнется? Что это с ними?

А над головами волнующихся летели и летели лозунги, все больше распяляющие собравшихся на площади людей. И по мере усиления гула на площади, эти лозунги становились все более и более странными и необоснованными. Но их, похоже, уже никто не слушал. Важна была лишь тональность...

– Это при попустительстве федеральных сил начались эксперименты с Белым Местом! Это из-за них у нас гибнут лучшие люди! Сколько руководителей нашей планеты покончило уже жизнь самоубийством?! Сколько техногенных катастроф произошло?!

По толпе пошла очередная порция волн. Ситуация и вправду становилась все серьезнее. Один за другим кончали жизнь самоубийством руководители планеты самого разного уровня. Про рядовых граждан даже новостные каналы уже перестали упоминать. Тут счет шел на сотни. А еще каждый день происходили все новые и новые катастрофы на узлах связи, энергетических подстанциях, военных и милицейских базах, продовольственных складах. То главный инженер центральной принимающей станции одного из городов запрется в пункте управления и снимет аварийную защиту со всех блоков. То кто-то из офицеров прорвется на склад боеприпасов и, перестреляв караул, взорвет себя посреди стеллажей с боеприпасами. Причем до этого никто и предположить не мог, что эти люди хоть как-то недовольны своей жизнью. Да и руководители Пепла тоже не умирали просто так. Перед смертью каждый из них обязательно отдавал ряд странных, а иногда даже страшных приказов, которые еще больше усиливали неразбериху, постепенно охватывающую весь Пепел.

Мир, казалось, сошел с ума. Люди не знали, что делать, куда бежать. Каждую минуту этот ужас мог произойти с тобой и твоими близкими. Это сводило с ума.

И вот на этом фоне и начали появляться странные личности, которые брали слово на стихийно возникающих митингах. Они появлялись в разное время, в разных местах. Между собой их не связывало ничто. Мало того, они не брались из воздуха – каждый из них был до этого обыкновенным, зачастую даже уважаемым человеком. Профессоры, учителя, инженеры, чиновники.

Но при всей внешней несхожести их неизменно роднило одно: они все до пены у рта ненавидели федеральное правительство. Призывали не подчиняться ему, жить своим умом, своей жизнью. Какой конкретно, правда, не говорили, но для митингов это и не надо. Тут редко кто задумывается о жизненных процессах целиком. Толпа мыслит простыми категориями. Вперед – назад, влево – вправо, бей – хвали, долой – да здравствует.

Сейчас на площади происходило схожее действие. Представительный мужчина уже дошел, похоже, до стадии истерики. Его голос повышался, повышался и теперь уже больше походил на лай. Но, самое страшное, что вместе с его истерикой, повышался градус настроения толпы. Стоящие в оцеплении милиционеры заволновались. На планете в последние дни уже не первый раз отмечались вспышки насилия, происходившие после подобных митингов. А помощи ждать неоткуда – у коллег из соседних районов и городов те же самые проблемы. Им тоже не выделить ни человека в помощь. Надежда оставалась только одна – как раз на всеми проклинаемый федеральный центр. Один-два полностью укомплектованных поверхностными подразделениями штурм-флота наведут тут порядок за неделю, опыт есть. Но, как ни странно, помощи не было. Штурм-флот сектора, примчавшийся на помощь при первых же сигналах о происходящих волнениях, продолжал все так же висеть на орбите, как будто сознательно давая разгореться пламени серьезных беспорядков. Что происходит?

А выступающий тем временем дошел до высшей точки кипения. Его ненависть была уже через край.

– Это они! Они!!! Они позволяли убивать наших детей!!! Это им плевать, как мы тут живем! Им наплевать на все, лишь бы было все в порядке на их Земле! Но мы не подчинимся! Мы не будем исполнять их волю...

Милиционер опять посмотрел на коллегу.

– Сашка, что это с ним? Я же его знаю. Он же всю жизнь в нашем универе преподавал. Нормальный был дядька. Чего он несет, какие дети? Что нам федералы сделали?

– Не о том думаешь, – процедил Сашка, внимательно и цепко осматривая толпу перед собой и все чаще лоя на себе взгляды, полные ненависти. – Думай о том, как бы их оттеснить. Они, похоже, сейчас на нас бросятся.

Оцепление, видя нарастающую агрессию, подобралось, приготовилось. В том, что сейчас начнется что-то нехорошее, не сомневался уже никто. Площадь, цепочка милиционеров, да и

весь остальной город замерли в ожидании бури. Ждали только какого-то сигнала. И только на трибуне все еще бесновался представительный мужчина.

Но, несмотря на грядущую бурю, на площади были и те, кто не принадлежал ни к одной из сторон. За углом одного из домов собрались в кружок пятеро мужчин, облаченные в уже принявшие цвет окружающих зданий «полевика». В центре кружка стоял шестой: плечистый, гладко выбритый мужчина с короткой стрижкой, только что опустивший забрало шлема и включивший все системы полевой брони. Коротким взглядом проверив уровень зарядки батареи импульсника, он выставил силу разряда на минимум, снял предохранитель и вытащил короткую, чуть изогнутую трубу из креплений на бедре. Остальные пятеро повторили его движения.

– Что дальше, Матвей? – подал голос один из пятерки.

– Дальше? – Матвей оглядел стоящих вокруг. – Дальше ждем, пока все закончится, он отойдет от толпы, и действуем, как было установлено. Задача – взять его живым. Еще раз повторю, только живым. Турухтан говорил, что как только человек умирает, Таиксана переходит на другого. Причем в этот момент он умеет выбирать того кто ему нужен. То есть, если он поймет, что мы пришли за ним, то перепрыгнет на кого-нибудь невзрачного и будет сидеть тихо-тихо, пока мы не отвалим. Так что все помните конечную цель: взять живым и живым довести до Белого Места. И вот там, когда его будут окружать только те, у кого есть иммунитет, тогда и можно будет его отправить обратно. Не раньше. Все понятно?

Пятерка закивала шлемами.

– И, кстати, – вспомнил Матвей. – Все нашей таиксаны съели, сколько нужно?

Еще пять кивков.

– Опять напоминаю, – Матвей серьезно прошелся взглядом по напряженным лицам. – Это теперь наше главное оружие. Десятки лет все подшучивали над «старообрядцами» и нашим «салатом», который мы из нашей прихоти готовим ...

Он скривился, показывая свое отношение к подобным шутникам.

– ... а это не салат, хоть все и считают его нашей блажью. Это противоядие против него, – Матвей мотнул головой в сторону заходящегося криком на трибуне мужчины. – В честь него и названное. И мы не придурки, которые в приметы заигрались, мы хранители. И одежда у нас изготавливается из тех материалов, которые дают дополнительную защиту. Теперь понятно?

Пятеро мужчин смотрели на него, не отрываясь. Все, что он говорил, им было известно и так. Но сейчас, возле площади, на которой одна за другой исполняются давние пророчества и предсказания, вся эта информация наполнялась новым, жутковатым в своей реалистичности смыслом. Матвей тем временем, убедившись, что его слушают внимательно, продолжил.

– И пока концентрация противоядия достаточная, ни один из нас под действие чужой Таиксаны не попадет. Шлемы открыли, руки мне показали.

Бойцы безропотно выполнили приказание, открыв забрала шлемов и сняв по одной перчатке. Матвей внимательно просмотрел белки глаз и ногти на руках у каждого.

– Все в порядке, – удовлетворился он. – Но помните. Прием антидота каждый час. Потеряли, или закончился – тут же выходите из операции, пусть даже бой вокруг, иначе может быть хуже. Вышли – и сразу на базу. Там тоже домой не пустят, пока не примете антидот – на входе дадут. И смотрите друг за другом. Белки глаз и ногти должны иметь зеленоватый оттенок. Внимательно друг на друга посмотрите и запомните. Как только цвет уходит – тут же следующая порция.

Он замолчал.

– У меня все. Вопросы?

– А ты? – несмело поинтересовался вдруг один из бойцов. – Ты почему не ешь?

Все тут же посмотрели на абсолютно чистые белки глаз Матвея, в которых не было и намека на салатную зелень, которую придает нужная концентрация антидота, приготовленного в точном соответствии со старым рецептом, передаваемым еще от дедов и прадедов.

– А меня ни наша, ни чужая таиксана не берет, – нехорошо ухмыльнулся Матвей. – Бойтся. У меня своих тараканов хватает.

– Повезло, – позавидовал кто-то.

– Как сказать, – пожал плечами Матвей и отвернулся, выглядывая из-за угла на площадь, где раздался какой-то особенно сильный вопль. – Все, разговоры закончили. Начинаем ждать, пока он выйдет. Без команды даже двинуться не смейте. Все, начали.

Но дожидаться им было не суждено...

– Мы не будем подчиняться ничьим приказам! – голос выступающего на трибуне человека уже начал переходить в ультразвук. – Потому что мы ненавидим их! и будем уничтожать, как бешеных собак!

Градус разогрева толпы был уже таким, что ей было уже все равно, что говорят с трибуны. Толпа ждала приказа. И он, похоже, не собирался заставлять себя долго ждать.

– И мы... мы... мы..., – мужчина набрал в грудь воздуха для последней команды, вытянул вперед руку, указывающую на редкую цепочку милицейского оцепления и...

Выпущенная из соседнего с площадью здания ярко-голубая игла импульсного разряда, отчетливо видимая в неподвижном воздухе, в мгновение ока миновала площадь и с характерным треском впиалась в грудь мужчины, разрывая грудную клетку.

Не выдержали нервы у милицейского снайпера, понявшего, что толпа сейчас начнет убивать его коллег? Или сорвался какой-то идеологический противник, не менее взвинченный, чем те, кто стоял на площади? А, может, это был просто обыкновенный человек, доведенный до отчаяния творившимся вокруг и не видящий другого способа прекратить это безумие? Вряд ли это имело значение.

К упавшему мужчине тут же бросились люди из его окружения, закрыли упавшего своими телами, хотя это уже не имело ни малейшего смысла.

Толпа на площади замерла на мгновение, а потом над площадью вознесся дикий переливистый крик:

– Бе-е-е-ей!!!

И толпа хлынула.

Не важно куда, не важно кого... Сказано – бей. И толпа пошла бить. Первой на ее пути оказалась тонкая цепь милицейского оцепления. Враг был найден.

Рев обезумевшей толпы. Удар, другой, третий. Короткая очередь из милицейского импульсника – и вал тел накрывает в одно мгновение ставшие одиночными матовые бронеконплекты милиции. Минута – и оцепления больше нет. Запрет снят, контроля нет, а враг – есть. Враг, который все время сидит внутри каждого. Твой личный страх.

И рычащая толпа, громя все, что попадает на пути, потекла, дробясь реками, ручьями и ручейками по улицам города, в одночасье превратившегося в смертельную ловушку.

– Нет, только не это! – Матвей, сжав зубы от злости, отпрянул из-за угла и привалился к стене, как только разряд их импульсника, разворотил грудь выступавшему мужчине.

– Что, командир? – подались вперед бойцы.

– Назад! – отлепился от стены Матвей. – Бегом к боту, уходим отсюда. Быстро!

И, подавая пример, первым рванул по уходящей вниз от площади улочке.

– Что случилось, командир? – раздался в наушниках оставшегося активным скафандра голос.

– Таиксану убили, – стараясь не сбить дыхание, сообщил Матвей. – Ушел все-таки, гад.

– Так, а нам-то какая разница? – не понял голос. – Ну, одного убили, так к другому он пришел. Мы того, другого и возьмем.

– Возьме-ем, – передразнил его Матвей. – Кого ты возьмешь? Как его определить, пока он сам не покажется? У него на лбу не написано. Пока делать что-то не начнет, никак не понять, где он и в ком?

– Так мы тут его подождем..., – начал, было, голос и осекся.

– Сам... понял..., что глупость... сказал, – выплюнул Матвей между вдохами, набирая все большую и большую скорость. – Тут мы ... только смерти ... дождемся. Пятеро ... в «поле-виках» ..., значит, точно федералы. Первыми нас ... постараются ... положить. Да и трупов тут сейчас столько будет...

Он добежал до небольшого, похожего на милицейский бота, и стукнул по кабине, идентифицируясь и открывая замок кабины.

– Внутрь! – скомандовал он. Пятерка споро полезла в бот. Матвей стоял, держа под прицелом импульсника улицу. Внутрь он запрыгнул последним, когда один их бойцов уже запустил двигателя.

– Сейчас по всему городу начнутся погромы, беспорядки, – Матвей с сожалением смотрел из набирающего высоту бота. – И могут начать убивать вообще всех, кого попало. Тут и найти Таиксану будет непросто, и довести проблема. Если еще на нас самих охоту не начнут. А то, что захотят – сто процентов. Нет уж, – он вздохнул, – придется нам опять в засаду садиться, включать оборудование и начинать отслеживать, где он в следующий раз объявится.

Бот без опознавательных знаков поднялся в воздух и полетел прочь от очередного города, охваченного неизвестным безумием.

– Убили, убили, убили! – на разные лады повторяли голоса вокруг заполненной людьми трибуны.

Представительный мужчина лежал на импровизированной трибуне. Лужа крови вокруг него уже стала настолько внушительной, что стоящие вокруг начали потихоньку раздаваться в стороны, чтобы не стоять в ней. И только три человека: телохранитель, коллега-единомышленник (?) и какой-то странный тип из Ахтанова, столицы Пепла (вокруг косились на него, поговаривая, что он как раз и может быть агентом федералов), не отодвинулись, продолжая рассматривать что-то на убитом. Перебрасываясь короткими фразами, они указывали друг другу на какие-то детали, как вдруг «странный тип» дернулся, замер на мгновение и согнулся, как будто ему внезапно стало плохо. Но прежде чем кто-либо успел поинтересоваться, что с ним, он поднял голову.

Секунду смотрел перед собой, а потом медленным, как будто изучающим взглядом обвел столпившихся людей. Медленно выпрямился.

– Они думали, что убили его, – тяжелым, нарастающим с каждой секундой голосом начал он. – Думали, что остановили наш гнев...

Стоящие люди подались назад, настолько тяжелым был взгляд мужчины и настолько жутковатым его голос.

– ... но они ошиблись, – он опять обвел взглядом стоящих. – Наше дело невозможно убить. Нас много. Нас сотни и тысячи. И мы пойдем до конца. Хотя бы для того, чтобы эта жертва, – он кивнул на лежащего, – и многие другие не были напрасными.

Мужчина торжественно поднял руки к нему в непривычном жесте, заставив всех остальных невольно выпрямиться, и вдруг ... улыбнулся уродливой, злобно щерящейся оскаленными зубами улыбкой.

– Таиксана, – прошептал он и погасил улыбку.

– Мы победим! Впере-е-е-ед!!! – заорал он, не опуская рук, и все еще не отошедшая от митингового угара площадь ответила ему глухим ревом.

Глава 5

Звезды замерли сверкающим рисунком на черном полотне космоса. Бескрайняя чернота простиралась от края до края, сколько хватало взгляд. Если лежать и смотреть вверх, то казалось, что на свете не существует ничего кроме этой завораживающей пустоты.

Кто-то, может, и не видел в этом ничего особенного, мало ли того космоса в галактике, но Донката, с детства привыкшего к черному куполу космоса над головой, эта картина бесконечного мироздания притягивала всегда. Он мог так сидеть часами, наблюдая за неспешным шествием созвездий.

Точно такую же картину, поражающую своей бескрайностью, он мог видеть и в других местах, но это было немного не то. В боте ты всегда краем глаза видишь кабину, дома – у тебя всегда есть какие-то дела, о которых ты помнишь, и которые не дают тебе полностью оторваться от брэнной плоти пространственных объектов и улететь в манящую даль. На поверхности планет такой картины вообще не увидишь.

И только тут, на гала-люксе, совершая путешествие, в котором за тебя уже все подумали и решили, ты можешь по-настоящему расслабиться, отдавшись на волю обволакивающей тебя пустоты и растворяясь в черной безбрежности.

Путешествие на Девану занимало четверо суток, сейчас шли только вторые. Спешить было некуда, волноваться не о чем, и Степа с наслаждением валялся на обзорной террасе гала-люкса, накрытой прозрачайшим куполом, не скрывающим ни капли окружающего звездного великолепия. Рядом на шезлонге расслабленно потягивала коктейль Селена. Напротив устроились Элечка с Декстером. Красота, одним словом.

Декстером? Он сказал «с Декстером»? Откуда-то справа раздался знакомый голос с не менее знакомыми интонациями. Степа с сожалением оторвался от звезд, сел и со стоном откинулся обратно на спинку шезлонга. Бокал с пивом, правда, при этом из рук он не выпустил.

– Только не это... Кто пустил Шойса в бар?

– А что такого в походе в бар? – не поняла Селена, полулежащая рядом.

Сидящая напротив Элечка только улыбнулась, не открывая глаз.

– Да особенного-то ничего, – пояснил Степа. – Но это если бы он туда по делу пошел.

– А сейчас он зачем туда пошел? – не поняла Селена, оборачиваясь и высматривая массивную фигуру сакса, стоящую возле стойки и о чем-то увлеченно беседующую с барменом.

– Я так понимаю, на охоту.

– Какую охоту? – моргнула Селена.

– За мозгом, – любезно пояснил Степа. – Он его высасывает и утаскивает с собой в качестве трофея.

Он достал сигарету и собрался прикурить.

– Ты думаешь, что он там с барменом про звезды разговаривает? – усмехнулся Степа. – Ни за что. Шойс ему сейчас рассказывает, что «Цефей VV» подается при температуре от восьми до девяти градусов, а не семь-десять, как допускается для остальных сортов янтарного пива.

– Думаешь? – Селена присмотрелась к Декстеру, тычущему пальцем в пустую кружку.

– Уверен, – Степа добыл зажигалку из кармана. – А тот ему доказывает, что на холодильнике стоит ровно восемь с половиной градусов.

Селена улыбнулась, глядя, как бармен указывает куда-то вглубь бара.

– А дальше? – Элечке тоже стал интересен вольный перевод разворачивающейся у стойки пантомимы. Она открыла глаза, села поправее на шезлонге и посмотрела на Декстера, настойчиво показывающего на что-то, что находилось позади бармена, прямо под его пятой точкой.

– А Шойс ему рекомендует засунуть себе в задницу эти тупые Сэйелгардовские холодильники, – Степа сосредоточенно прикуривал, не глядя по сторонам. – Потому что они и в нормальном-то режиме, пф-пх, дают градус-полтора погрешности, а если им вовремя не сделать профилактику то – до трех. А пять градусов для Цефея...

У барной стойки сакс увлеченно тряс растопыренной пятерней.

– ..., это полное убийство вкуса.

Декстер провел большим пальцем себе по горлу.

Судя по испуганному лицу бармена, тот на полном серьезе приготовился умирать вместе с переохлажденным Цефеем. Ну еще бы, с такой-то будкой, как у Декстера ругаться. А ругаться Шойс умеет. Опыт, знаете ли...

– А еще фирменные бутерброды у них...

Селена с Элечкой дружно уставились на сакса, распахнувшего лежащее на стойке меню и торжественно показывающего бармену на один из пунктов.

– ..., полное, извините, дерьмо, и есть их невозможно.

Декстер зажал ладонью рот, как бы сдерживая рвотные позывы.

– Потому что *дикайдоху* не держат под прессом дольше, чем двадцать минут, она от этого становится горьковатой.

Сакс скривился, и девушки дружно фыркнули. А Степа, выпустив аккуратное колечко дыма, продолжил нейтральным тоном.

– И нечего тут рассказывать, что все вопросы к кухне...

Палец Декстера заметался перед лицом бармена, который, как болванчик поворачивался вслед за ним. Туда-сюда, туда-сюда.

– ... нам нужна качественная еда, а не эта субстанция. Ясно? Повторить заказ.

Издалека донесся хлопок ладони сакса о барную стойку.

– Ну, вот как-то так, – Степа поднял свой бокал с пивом и сделал глоток. – А теперь он наведается на кухню, чтобы лично убедиться, не нарушается ли процесс приготовления блюда. И, если честно, то мне их жалко.

– Я на кухне, – донесся голос Декстера, отпустившего, наконец, бедолагу бармена. – Посмотрю, что и из чего они там собираются готовить... Что смешного?

– Ничего, милый, – напутствовала его Элечка, сдерживая улыбку. – Иди, посмотри, мы тут о своем болтаем, о женском.

– Это надолго, – предупредил Степа. – Он еще захочет лично поприсутствовать на самых ответственных моментах, а в итоге сам сделает нам ужин и в каюту принесет, – он немного помолчал и пожал плечами. – Кулинар.

– Так, может, нам сразу в каюту пойти? – Селена села на шезлонг. С Лизой поболтаем.

– Хорошая идея, – Элечка тоже оторвалась от созерцания созвездий. – Степа, ты как?

– Я еще минут десять посижу, – Донкат поднял почти полный бокал. – Допью, посмотрю, чтобы Шойса никто не обижал, а сам он никого в бифштекс не превратил, и тоже к вам присоединюсь. Филу привет.

– Передадим, – кивнула Селена и легко поднялась с шезлонга. Чмокнула Степу в щеку и пошла под руку с Элечкой, теперь уже на самом деле болтая о своем, о женском.

Степа проводил ее взглядом, улыбнулся и с наслаждением вновь откинулся на спинку. Жизнь хороша. Еще бы только Шойс и вправду никому голову не оторвал, а то какие-то подозрительные звуки из кухонного блока уже начали доноситься. Хотя, это их проблемы.

– Можно? – Степа постучал по стеклу ком-устройства каюты.

Кабюта Декстера с Элечкой была ровно на одну комнату больше, чем Степина и Селены, но все преимущества от этого заключались только лишь в чуть большей гостиной, потому что третью комнату торжественно занимали все те принадлежности для готовки, которые до этого

громоздились на кухне Декстера. Сакс решительно отменил любые возражения, относительно возможности использовать инструменты, которые могли предоставить организаторы конкурса. «Настоящий мастер никогда не унижится до использования чужих кастрюль и ножей», – торжественно возвестил он в свое время, начисто проигнорировав Степино ворчание по поводу завышенной самооценки. Декстер вообще не признавал неуверенности в себе и окружающих. Его принцип был прост и неизменен: «Не можешь – сиди дома и даже в бот не садись. А если уж начал, то ради второго места не стоило и с дивана подниматься». Нынешняя ситуация, на его взгляд, ничем от прочих не отличалась. Поэтому на Девану ехал как минимум лауреат «Кулинарной Ойкумены» и то только в случае предвзятого суждения.

Степа перед самым вылетом решил пошутить. Он критически осмотрел багаж сакса и скептически заметил, что дипломы-то наверняка будут выдаваться без рамки, а Декстер ее не взял. Пошутил и сам испугался энергии, с которой Шойс озадачился данной проблемой. К счастью, времени было мало, и ничего Декстер не добыл, хотя до сих пор периодически страдал по этому поводу.

Но сейчас Декстера в каюте не было, а были Селена с Элечкой, сидящие напротив включенного экрана витранса, с которого на них смотрела улыбающаяся девушка с длинными распущенными волосами цвета спелой ржи, одетая в какое-то платье, больше подходящее героине какой-нибудь сказки. Хотя, если вдуматься, она и была персонажем сказки. Технологической.

– Лиза, добрый вечер, – поздоровался Донкат, входя в каюту.

– Привет, Степа, – улыбнулась девушка. – Рада тебя видеть.

– Я тоже, – Донкат прошел к выключенному уникомпу. – А Фил где?

– Он куда-то в соседний про-слой отправился, – беззаботно отозвалась девушка с экрана. – Сказал, что будет через пять минут.

Для стороннего наблюдателя диалог выглядел полной чушью. Какие пять минут при путешествии из одного слоя галактического рукава в другой? Но только если не знать, что Фил, он же Улисс, он же Ул, в не таком уж и давнем прошлом был никем иным, как типовым многофункциональным комплексом с разведывательно-диверсионными функциями ТМК-РД «Улисс-3». Проще говоря, огромным полностью автономным боевым крейсером с искусственным интеллектом: *ан* ом, от саксовского «artificial nature».

Правда, в ходе ряда метаморфоз собственно тело крейсера он потерял, и теперь представлял собой исключительно уникомповскую личность, существующую как-то и где-то на просторах галактики (Степа до сих пор в упор себе не представлял, как и где). Что, правда, никоим образом не мешало ему оставаться милягой-парнем, боевым другом Шойса Декстера и внештатным сотрудником ФАФ – Федерального Агентства по исследованию проблем Фотосферы РФМ. (подробнее – в романе «Аватарка из Созвездия Дикобраза»). В общем, все сложно, и Степа предпочитал не заморачиваться, а воспринимать Фила и Лизу (физическое состояние которой было аналогичным Филовскому, только способ обретения несколько отличался), как самую обыкновенную человеческую парочку. Ну, подумаешь, нет у них тел, и что с того? Каждый развлекается, как умеет.

– И давно сказал? – поинтересовался Степа, активируя уникомп.

– Как раз пять минут назад, – улыбнулась Лиза.

Фил был личностью пунктуальной (электронное нутро обязывало, что ли?), и как раз к моменту включения экран уникомпа осветился мягким жемчужным светом и сквозь него проступил силуэт аристократичного юноши в сверкающих рыцарских доспехах. Этот образ Фил выбрал давным-давно и с тех пор ему почти не изменял.

– Ровной связи тебе, о таинственное создание, – поприветствовал его Донкат. – Все ли мирно на просторах галактики?

– И тебе полных бокалов, – величественно отозвался юноша. – Благодарю, все мирно в королевстве моем. А когда я смогу лицезреть еще одного моего друга? Все ли у него благополучно?

– Друг твой вскорости быть обещался..., – велеречиво начал Донкат, но не удержался и прыснул, услышав драматичный шепот Селены: «...не зря Шойс в пиве сомневался. Этим двоим больше не наливать».

– В общем, он пошел совершенствовать навыки кулинарии, – сообщил Степа и, решив, что все чересчур академично, добавил. – Ужин ему не понравился. Решил взять приготовление в свои руки.

– Иногда я жалею, что лишен некоторых функций человеческого организма, – позавидовал Фил. – Интересно было бы попробовать.

– Ты думаешь? – Донкат приподнял бровь. – Это мы выясним позже. Когда все усвоится.

– Расскажешь? – попросил Фил.

– Если буду в состоянии, обязательно, – пообещал Степа, оглядываясь.

К кулинарным способностям Декстера со скептицизмом относился один он. Что Элечка, что Селена, вдохновленные проведенными не раз и не два «дегустациями», уже видели себя вместе с Шойсом на пьедестале почета с лавровыми венками в руках. И только Донкат упорно не желал признавать за саксом гениальность в плане кулинарии.

– А что может случиться? – удивился Фил.

– Случаи разные бывают, – пожал плечами Степа. – Ладно, Шойс придет, сам все расскажет. А ты лучше выдай мне страшный секрет, о чем там наши девушки шепчутся?

Он оглянулся на Селену с Элечкой, которые что-то увлеченно обсуждали вполголоса, прильнув к экрану витранса, с которого общалась с ними Лиза через встроенную камеру.

– Девушки? – изображение рыцаря на секунду замерло, это Фил отлучился посмотреть, о чем идет беседа. От витранса тут же донеслись возмущенные возгласы, и изображение вновь ожило. Рыцарь усмехнулся. – Слушай, они, по-моему, опять про магазины разговаривают.

– Ну, это как раз ожидалось, – улыбнулся Степа. – Ничего необычного. Не куда-нибудь едем – на Девану.

– Кому как, – на экране Фил поправил нарисованный шлем. – Если Селену с Элечкой я еще хоть как-то понимаю, – он понизил громкость звука и наклонился вперед. Степа тоже подался поближе к экрану, – то поймай меня сторожевик, я никак не могу себе в базах данных найти ответ на один вопрос: Лизе-то зачем все эти поездки по магазинам? Что она там себе может найти? Новую операционную систему с сиреневыми окошками? Так это ей не туда...

– Э-э, брат, – рассмеялся Степа. – До терабайт оперативки дожил, а простых вещей не понимаешь. Это ж женщины. У них перемещение по магазинам заложено в самую суть их программы. Она, если можно так сказать, на этом и построена. Убери этот пункт, и не будет у нас женщин. А походить, посмотреть, что сейчас модно?

– У нас, у галанетовских личностей, – Фил не без изящества прикоснулся нарисованным бронированным кулаком к вычурной кирасе, – в этом сезоне модна конфигурация баз данных, позволяющая...

– Только Лизе это не говори, – прервал его Степа. – А то ты не только магазины по сети будешь искать, но еще и рисовать ей новые одежды в точном соответствии с последними веяниями галактической дизайнерской мысли. В каждом секторе, своими, к слову. Чтобы она на экране смотрелась не «деревенской девкой, только из грузового бота вылезшей, а нормальным человеком, который живет в цивилизованном мире».

– Из личного опыта цитата? – осклабился Фил.

– Это собирательный образ, – поведал Степа. – Но и из него в том числе. Так что лучше расслабься и дай возможность им самим устать от покупок.

– А такое бывает? – удивился Фил. – Не думаю. У Лизы трафик качается, будь здоров.

– Поверь, иногда случаются и такие чудеса.

Донкат, наконец, уселся в кресло перед уникампом, но посидеть больше двух секунд, у него не вышло. От входной двери раздалась заливи́стая трель сигнала, который, судя по непрерывности, прижали чем-то объемным. Степа даже задумываться не стал чем именно.

– Ужин пришел, – дружно обрадовались девушки, включая почему-то и Лизу. Хотя, казалось, она-то тут при чем?

С места, правда, никто не сдвинулся. Все трое дружно посмотрели на Степу. А тот, состроив невинную физиономию, с великолепным спокойствием перевел их взгляды на уникамп, указав пальцем на сияние, разливающееся от доспехов Фила. Тот развел руками.

– Пожалуйста.

И тут же входная дверь отъехала в сторону, открыв ... заставленные всякой всячиной поднос и корзину. Между накрытыми крышками блюд и гор фруктов задорно торчали горлышки бутылок.

– Ура-а! – хором обрадовались девушки.

Степа подумал и тоже присоединился к общему веселью. Правда, когда восторженные возгласы поутихли, осторожно поинтересовался.

– Шойс, а там точно нет отрубленных голов нерадивых барменов, глаз плохих поваров или еще чего-нибудь подобного?

И тут ему же пришлось уворачиваться от диванной подушки, метко запущенной Селеной.

– Шойс, не слушай его, – повернулся она к саксу, аккуратно опускающему все это великолепие на стол. – Он просто завидует.

– И не подумаю, – Декстер улыбнулся своей фирменной белоснежной улыбкой. – Я знаю.

– И что тут такого? – подбоченился Степа. – Да, завидую. Но есть все равно буду, ибо хочется.

– А никто и не против, – Декстер встряхнул затекшими руками и повернулся к витрансу. – Привет Лиза. А где твой похититель душ?

Степа, было, повернулся к уникампу, но Фил уже исчез.

– Здесь, – на экране витранса рядом с девушкой появился рыцарь. – Здравствуй.

– Привет-привет, – гулко обрадовался сакс. – Присоединитесь к нам?

Он обвел рукой заполненный едой стол. Повисла пауза. Улыбки Лизы и Фила стали несколько неестественными. Степа нахмурился: что вдруг стало с Декстеровским чувством такта?

– Ты это так пошутил? – осторожно переспросил Фил.

– Ха, – возглас у Шойса получился похожим на выстрел из плазменника. – Ничуть. И я ни в коем случае не хотел вас обидеть. Наоборот.

Он полез в карман и вытащил тонкую палочку накопителя информации.

– Я просто решил, что раз уж всем нравится, как я готовлю..., – он повернулся к Степе, услышав его не совсем деликатное покашливание в кулак. – Опять завидуешь?

– Что ты, – сделал невинные глаза и брови домиком Донкат. – И в мыслях не было.

– Ну-ну, – сакс вернулся к Филу. – Так вот, если все едят и хвалят, то было бы совершенно несправедливо не дать и вам попробовать.

– Это как? – скептически скривился Фил. – В разъемы уникампа понапихать?

– Не совсем, – пирсинг на лице сакса собрался в лукавую усмешку. – Я еще не знаю, что именно получится, но попробовать стоит. Не зря же эти ребята, – Декстер кивнул куда-то вперед по ходу корабля, – ею через полгалактики пользуются.

– Оценочная программа «Ойкумены» для блюд. Та самая, которую тебе выслали, – догадался Степа. – Точно, там же все параметры блюд в цифру трансформируются. Шойс, да ты гений.

– А я тебе что всегда говорил? – расправил плечи сакс. – Ну что, будем пробовать?

Он многозначительно потряс накопителем.

– Однозначно, – воодушевился Фил. И тут же почему-то смешался. – Шойс, послушай, а эта твоя программа, она только на еду распространяется. А в плане ... ну ... это ... короче, выпить есть?

– Без вопросов будем пробовать, – заверил его Декстер.

И тут же расхохотался вместе с Донкатом, глядя на легкий подзатыльник, который отвесила светлому рыцарю хрупкая девушка.

– Ай, – схватился за шлем Фил. – За что?

Справившись со смехом, Степа толкнул Декстера в бок и указал на сохранивших во время этой сцены абсолютную серьезность Селену с Элечкой.

– Шойс, как ты думаешь, а почему они не смеются?

Сакс многозначительно поднял палец.

– По-моему, они о чем-то догадываются...

Глава 6

– Атака, – коротко выплюнул динамик над сиденьем водителя и тут же автоматика бота, настроенная на уклонение от обстрелов, швырнула бот вправо.

Шестеро мужчин в кабине бота легли на бок в своих сиденьях, удерживаемые креплениями.

– Атака! – продублировал сообщение автомата пилот. – Матвей, нас атакуют!

– Вижу, – подвешенный на креплениях сиденья Матвей тем не менее продолжал набирать команды на выдвинутом пульте управления системами дальнего обнаружения и оружейного комплекса.

За стеклами пронесся мохнатый шар плазмы, автоматика моргнула, справляясь с помехами, и бот выровнялся. Шесть голов слитно мотнулись вслед за его движениями. Перед Матвеем коротко пискнул экран, выводя несколько подсвеченным красным точек.

– И них активна система обнаружения низколетающих целей, – сообщил он. – Четыре огневых точки. Садимся.

– Куда? – не понял пилот.

– Вниз, – пояснил Матвей. – Прямо вниз. На первую же подходящую площадку. По наземным целям НВО не работает, это не артиллерия.

– А что им мешает накрыть нас артиллерией? – угрюмо пробурчал пилот, но все же повел бот на посадку.

– Наведения нет, – пояснил Матвей. – Да и нет у них, в Синем Озере артиллерийских систем, не стоят там воинские части. А даже если они их и получили как-то, то на таком расстоянии, да еще через лес, – Матвей показал вниз, на лесной массив, быстро приближающийся к идущему на посадку боту, – их радары нас не возьмут. А дальнейшее наведение артиллерии идет через орбитальные группировки. Но их федералы перекрыли.

– Откуда знаешь? – поинтересовался кто-то из сидящих сзади.

Он не стал язвить. Раз спрашивают, значит, на самом деле не знают, кто такой Матвей Делягин. Для них он по-прежнему остается всего лишь племянником одного из самых уважаемых старейшин. Хотя, откуда им знать? В мирное время его занятие никого не интересовало, да и не могло интересоваться. Воинская служба для общины, в сущности, дело бесполезное. Матвея вообще отправили служить только лишь потому, что так требовали заветы оставленные даже не легендарным Федором Александровичем Турухтановым, дедом дяди Евлампия, которому последнему выпало загонять Таиксану обратно в небытие, из которого тот выполз опять. Нет, даже не им. Требование в каждом поколении иметь в общине как минимум одного специалиста по боевым операциям восходило еще к самым первым поселенцам Пепла. Тем самым, которые на долгих сорок лет остались в изоляции как раз из-за жуткого явления, по имени Таиксана. И кто знает, может, именно это требование и не позволило этой заразе до сих пор выбраться с космос? Хотя, кто об этом сейчас знает и помнит? Живущие на Пепле никогда не относились к хранящим давние правила «старообрядцам» всерьез. Быть может, потому, что никаких доказательств не осталось, а, может, и еще почему. Ведь ни в одном из трех случаев в руки взять было нечего. Доказательства. Где доказательства? Нет. Да и давно это было.

И только потомки тех, кто лично противостоял загадочному безумию, кто сам, от своих отцов и дедов слышал о том, что может произойти, если они не будут готовы, только они еще берегли давние знания. Ну, и, наверное, еще все-таки федералы. Иначе ничем не объяснить их нелогичное с точки зрения обывателя Пепла поведение. Которое вполне укладывалось в понятие «карантин».

Матвей посмотрел назад. Соответственно, никто из его спутников, ни о чем подобном не догадывался. Жизнь в общине вообще текла медленно и неспешно. Зачем задумываться?

Есть правила – исполняй. Кто их придумал – не твоего ума дело. Не хочешь исполнять – весь мир тебе открыт. Община – не рабство. Но вот только уходить почему-то никто не спешил. Страшно. Остаться без рода, без семьи, без поддержки. Да и зачем? Чем имеющаяся-то жизнь плоха? Всего-то и надо, что исполнять поручения старших. Ну, так это ты будешь везде делать.

Сидящая в боте пятерка как раз и была из таких, «послушных». Заповедано трети мужчин послужить в силовых департаментах и уметь обращаться с оружием – пошли, поработали, вернулись домой. А кто, зачем, почему – не их головная боль. Сам, Матвей, кстати, со схожими мыслями улетал с Пепла. А теперь их собрали вместе, выдали командира, и отправили искать непонятно кого. Что ж, надо искать.

Но вот только Матвея эта ситуация не до конца устраивала. Сейчас ему не нужны были простые исполнители. Для выполнения *этой* задачи, ему требовались горящие глаза и думающие головы. Потому что ждать, пока жестокая реальность придет в соответствие с пророчествами, и все сами убедятся в верности заветов, это ... неразумно. Когда оно, это соответствие, придет, будет поздно. И, хотя бы исходя из этого, их нужно было просвещать. И начинать надо было с малого.

– Откуда знаю? – усмехнулся Матвей. – Про штурм-флот «Харон» слышал?

– Как не слышать, – фыркнули сзади.

Еще бы, самый известный космический флот галактической империи РФМ.

Войны между государствами в их время были редки: дорого это, знаете ли. Но когда в государство входит пара десятков тысяч планет (пусть и еле-еле освоенных, откуда людей-то брать?) то в этом государстве каждый единый галактический день что-то да происходит. И зачастую именно «Харон» оказывается первым, кто является на место событий. Отгоняет врагов, удерживает позиции, оказывает помощь. И именно у его космоштурмов, тяжелой галактической пехоты Федерации, был самый богатый опыт по наведению порядка на поверхности планет. Кто знает, может, и сейчас крейсера «Харона» находятся над ними.

Матвей задрал голову, как будто на самом деле надеялся увидеть ползущие по небу точки кораблей. Ведь они там есть, точно есть. Но помочь ничем не могут. Таиксана – это внутреннее дело общинников, и им придется справляться с ним самим, в одиночку. Потому что альтернатива уж больно страшна.

– Так вот оттуда и знаю все, – Матвей указал на небо. – Штурм-флот «Харон», командир второго отдельного поверхностного штурм-батальона майор Делягин. В отставке.

Пятерка зашевелилась. Переглянулась. Ну, тогда – да, тогда понятно.

– То есть, не накроют, – подытожил пилот.

– Без орбиты – нет, – подтвердил Матвей.

– А чего тогда федералы молчат? – поинтересовались сзади.

– А что ты хочешь, чтобы они сделали? – невесело усмехнулся Матвей, но развить мысль не получилось. Бот приземлился на поляне посреди леса, пропустив над собой еще один метеор плазменного заряда, выпущенного по ним из города.

– К машине, – скомандовал Матвей, выпрыгивая из открытого люка десантным прыжком.

Лес встретил его свежим ветром и шелестом листы обступивших поляну деревьев. Красиво, но ничего не видно, что вокруг творится. Жаль, «полевик» не убээс, универсальный бронескафандр космоштурма, тот вообще маленький крейсер. Первое, что делает высадившееся подразделение – это организует систему наблюдения и ориентации. В убээсах предусмотрены радары.

Но чего нет, того нет. После того самого периода сорокалетней изоляции общине специальным распоряжением губернатора слоя было разрешено приобретать легкое вооружение, благодаря чему у них и были «полевики» и боты подобные этому и даже станковые плазменники с переносными системами ПВО. Однако, на оружие, пригодное для ведения полноценной войны, типа штурм-ботов и убээсов разрешение не распространялось. Частную армию иметь

было нельзя. Хотя, сейчас очень быгодились некоторые системы, к которым Матвей привык на службе.

– Выставляем датчики, – скомандовал он.

Что ж, придется обходиться тем, что есть.

Двое из пятерки тут же начали распаковывать комплект «видока», облегченного радара, как раз и предназначенного производить разведку в условиях, когда убээсы не работают, разряжены или недоступны.

Матвей задрал голову. Что ж, в любой ситуации есть свои плюсы. С одной стороны деревья мешают, а с другой – маскируют и позволяют установить поисковый модуль на них самих, экономя драгоценный заряд батарей, и не тратя его на удержание модуля в воздухе.

Темное веретено поискового модуля «видока» с крючьями-крепитками по бокам взлетело выше деревьев и опустилось точно на верхушку одного из них.

– Есть сигнал, – тут же доложил пилот, настраивающий модуль.

– Принято, – отозвался Матвей. – Непрерывное наблюдение. Смена по номерам каждые полчаса.

– Есть смена по номерам каждые полчаса, – кивнул пилот, как раз и бывший первым номером в пятерке.

– Вольно, – разрешил Матвей. – Напоминаю, что мы ждем бот, удаляющийся от поселения больше, чем на двадцать минут полета. Оператор блока – приступить к работе, остальные, можно перекурить.

И, подавая пример, первым откинул забрало шлема и достал сигарету. Из не занятой четверки курящих было двое, но оставшиеся не ушли, а затоптались рядом, явно собираясь спросить о чем-то. Ну, еще бы. Что солдату делать на привале? Выбор невелик: есть, спать, курить либо языками чесать. Ах да, забыл – проверять снаряжение и готовить его к бою. Но тут Матвей решил не зверствовать: полную проверку он устроил еще перед самым вылетом, сорок пять минут назад. Рано еще, не успели ничего накосячить. Хотя, в таком деле на сто процентов уверенным быть нельзя. От дурака еще защиты никто не придумал. Но это потом, а пока и в самом деле можно покурить и заодно рассказать бойцам, что их ждет. А то и в самом деле, информации у них ноль – слишком быстро развивались события.

– Если кто хотел что-то спросить, спрашивайте, – разрешил Матвей, удобно устроившись на полусогнутых ногах «полевика».

Неизвестно, изначально так конструкторы задумали, или просто так совпало, а умные солдатские головы додумались использовать, но пластины бедер и голени полевой брони могли складываться таким образом, что получалась жесткая конструкция, позволявшая бойцу сидеть в скафандре, как в кресле. Очень удобно, если хочешь присесть и отдохнуть, а негде.

Матвей, отдохнуть всегда был не прочь, исповедуя древний армейский принцип: «можешь сейчас есть – ешь, можешь спать – спи, курить – кури, потом не будет». Удобно устроившись на «полевике», он выпустил дым и с усмешкой стал наблюдать, как четверка пытается повторить его позу. Надо отдать им должное, справились все быстро.

– Прямо сигарный клуб у нас получается, – пошутил он, глядя на рассевшихся вокруг бойцов. – Ну, и кто что хотел спросить?

– Матвей, – подал голос один из некурящих, настороженным взглядом поглядывающий на командира. – Скажи, а почему они нас обстреливать начали? С чего вдруг. Что, по Пеплу уже летать нельзя?

– Похоже, что да, – вздохнул Матвей. – Теперь в каждом городе будут свои законы. Наступает вторая стадия.

– Стадия чего? – не понял боец.

– Развития Таиксаны, – пояснил Матвей. – В описаниях, которые есть у старейшин, четко прописаны все этапы, по которым идет развитие Таиксаны после появления. Первая – это

дестабилизация ситуации на планете. Нарушение систем энергоснабжения, систем коммунального хозяйства, создание соответствующего эмоционального фона. Протестного фона. Когда после неразберихи и дезориентации, населению указывается общий враг, который логично вписывается в причины возникновения тотального хаоса. В нашем случае – это федеральный центр. Не заботится, Белое Место раздражает своими экспедициями, ничего не делает... Ну, а дальше говори, что хочешь, все равно спорить не с кем. Тем более что федералы скованы по рукам и ногам.

– А почему? – забыл про сигарету один из курильщиков. – Чего они ждут?

– Ничего они не ждут, – тоскливо вздохнул Матвей. – Они просто-напросто не имеют права спускаться.

– Почему?

– Почему? – взгляд Делягина потяжелел. – Да именно потому, что они как раз и знают, что есть Таиксана.

– Знают? – не поверил боец. За ним загудели все остальные. – И ничего не делают?

– Не делают, – повторил Матвей. – Потому что не имеют права.

Он обвел взглядом возмущенные лица.

– Вы видите, что на Пепле творится? – бойцы чуть притихли и закивали, по тону Матвея понимая, что не все так просто, как кажется. – Сколько народа друг друга поубивало? Сколько катастроф вызвано? Они же, те, которых Таиксана поймал, они себя не жалеют. Им все равно. У них одна цель – умереть, и как можно больше нагадить перед смертью. А если добраться до оружия – так еще лучше.

На лицах бойцов начало проступать понимание. Непростое понимание.

– Именно, – подтвердил их догадки Матвей. – А теперь представьте себе Таиксану за орудиями штурм-крейсера. Или на мостике в качестве капитана.

Молчание, повисшее в воздухе, лучше всего было описать словом «угрюмая».

– Получается, что мы совсем одни? – медленно проговорил боец, который первым начал задавать вопросы.

– Не совсем, чтобы одни, – пожал плечами Матвей. – Федералы, конечно, будут сюда людей посылать, но это будет не армия, которая потом может против них же повернуться. Это будут узкие специалисты в каких-либо вопросах. Федералы будут помогать, без вопросов, но только нужно иметь кого-то, кому помогать. Так что с этой точки зрения – да, мы одни. И если мы, конкретно мы (я не беру такие же группы, еще неизвестно что они могут, умеют и будут ли делать), не справимся, то больше не справится никто.

Что тут сказать? Ничего. Четверка притихла. Курящие досмаливали сигареты, некурящие смотрели в землю. Иногда ответственность бывает слишком тяжела.

Где-то вдалеке за лесом, в стороне, где их ждал город, что-то глухо бухнуло. Еще раз. И еще. Над верхушками деревьев встало зарево.

Бойцы, все так же молча, посмотрели на Матвея. Тот прикрыл глаза, подтверждая. Конечно, это их «клиент», больше некому.

– Что на радаре? – позвал наблюдателя Матвей.

– Пока все так же, – отозвался тот. – Ботов дальше десяти минут от города не наблюдается.

– Внимательнее, – посоветовал Делягин. – Судя по всему, скоро появится. Он тут уже все, что хотел, сделал.

– Есть.

– А вторая стадия? – обреченно поинтересовался все тот же боец, который спрашивал про то, почему их начали обстреливать. – Ты говорил, про несколько стадий развития Таиксаны.

– А вторая, вон она, – Матвей махнул рукой в сторону недалекого города. – Разобщение. Этап, когда каждый город, образование, да или просто хоть отдельно стоящая база стараются, как они думают, оградить себя от сумасшествия, творящегося вокруг. Мобилизация, расконсервация стратегических запасов, вооружение жителей и выставление внешних границ, за которые не допускаются чужаки. С течением времени эти границы охраняются все более и более жестко, потому что любой человек, пришедший извне, может принести беду. На этом этапе Таиксана старается как раз путешествовать между городами, чтобы все появляющиеся проблемы и были связаны именно с пришельцами. Прилетел – взорвал что-нибудь, пусть даже без особых разрушений, пересел на другого – и в следующий город, творить то же самое.

– А зачем ему это?

Матвей посмотрел на разгорающееся зарево, встающее над лесом. Повернулся к бойцу, посмотрел ему прямо в глаза и веско, роняя слова, как камни, ответил.

– А чтобы перевести ситуацию в третью стадию. Которая называется «гражданская война».

– И что тогда будет? – спросил кто-то.

– В прошлый раз, – Матвей повел плечами, как будто ему стало зябко, – благодаря деду Евлампия Егоровича Таиксану локализовали на время в одном из городов и федералы успели вывезти в планеты процентов тридцать жителей. Из оставшихся погибла половина.

Глаза четверки полезли на лоб. А Матвей, как будто не замечая их ужаса, продолжал.

– А в самый первый раз Таиксана добрался до поверхностной базы штурм-флота и они начали «наводить порядок» своими силами. Кончилось все уничтожением восьмидесяти пяти процентов населения Пепла.

Он невесело усмехнулся.

– Не смотрите на меня так. В то время Пепел только открыли, и все население не превышало ста тысяч, включая базы штурм-флота и ФАФ. И, кстати, именно они-то Таиксану тогда и остановили. Если бы их базы не было, погибли бы, наверное, вообще все.

– А что такое ФАФ? – осторожно поинтересовался один из бойцов, до этого не произнесший ни слова.

– Ах да, – чуть покривился Матвей. – Вы же их не знаете. ФАФ – это аббревиатура, которая расшифровывается, как «Федеральное Агентство по исследованию проблем Фотосферы».

– Ученые? – не поверил боец.

– Не совсем, – поднял уголок рта Матвей. – Вернее, и ученые тоже. Их основное занятие – необъяснимые явления в галактике. Все, что не может быть объяснено с точки зрения современной науки.

– Колдуны, ведьмы? – попытался пошутить кто-то.

Матвей перевел на него взгляд, и шутник заткнулся.

– Можно сказать и так, – чуть качнул головой Делягин. – Но я бы предпочел посмотреть на эту проблему несколько с другой стороны. О скольких вещах мы, я имею в виду человечество, не знали, выходя в галактику? Да ничего мы не знали. Мы вообще думали, что мы одни во вселенной. И тут на тебе. Одни болги чего стоят.

– Ага, – хохотнул боец. – Вот уж явление, так явление. Под них точно надо отдельную контору создавать.

Вместе с ним засмеялись и все остальные.

Человек вообще и солдат в частности так устроен. Не может он долго страдать. Вернее, может, конечно, но для этого нужна веская внешняя причина. А если как раз ты и идешь разбираться с этой самой причиной, то долгое страдание тут как-то не в тему. Вот поэтому бойцы и схватились за первую же возможность, чтобы хоть немного разгрузить накачанное всякими ужасиками сознание. И болги на роль мишеней подходили как нельзя лучше.

На протяжении всей своей земной истории люди смотрели на звездное небо, гадая, а есть ли там, на небе еще кто-нибудь разумный? Какие они эти инопланетяне? Злобные и кровожадные, или прекрасные и величественные? Не угадал никто.

Первые же «соседи» по галактике, которых обнаружили люди, начав массовое расселение по новым мирам, оказались ... придурками.

Галактические шакалы, воры, разбойники, пираты. Бездомные бродяги космоса. Ветхие корабли, абсолютно неэффективной конструкции (у землян, только что вышедших за пределы солнечной системы, технологии оказались на порядок лучше). Отсутствие морали. Практически полная непредсказуемость действий. Постоянные нападения на обжитые миры. Отсутствие контактов. Любой крейсер космоштурма любого государства первым делом старался уничтожить корабль болгов, поскольку разговаривать с ними не о чем (поверьте, все *очень* старались, не вышло). Ресурсы, за редким исключением, им были неинтересны, люди неинтересны ни в каком виде. Единственное, что представляло для них ценность в мире людей – это энергоносители и преобразователи звездной энергии. При нападении они неизменно похищали все возможное оборудование центров переработки звездной энергии. Оставшееся разрушали. При этом случаи использования человеческих технологий или оборудования на кораблях болгов отмечено не было никогда.

В силу отсталости и ненадежности технологии кораблей и вооружения, опасность болги могли представлять разве что для окраинных миров Авангарда, где нет толком ни армии, ни оружия. Пепел сам когда-то, на заре своей «человеческой» истории столкнулся с этой проблемой. Правда, благодаря штурм-флоту сектора (Пепел сразу вошел в состав РФМ, минуя стадию Авангардов), эту проблему удалось решить почти сразу.

Тем более, что на Пепле тут же разместили поверхностную базу штурм-флота.

– Болги, это только пример, – поддержав шутку короткой улыбкой, продолжил Матвей. – Таких явлений в галактике – пруд пруди. Змеи те же...

Со змеями вообще была отдельная история. Вторая разумная раса, найденная в галактике, она оказалась и последней на данный момент. Да и «найденными» их можно было назвать лишь условно. Разумные пресмыкающиеся, обитающие в обособленных мирах рукава Лебеда. Крайне закрытая раса. О них до сих пор было неизвестно практически ничего. Корабли, попадавшие в район Кольца Змея, как называлась область, где обитали разумные пресмыкающиеся, исчезали бесследно, и комментариев никогда не предоставлялось. Но при этом агрессии никакой, представители змеев спокойно посещали все государства. Правда, без видимых внешних причин. Торговлю они не вели, культурного обмена – ноль, занимались только посещением исторических объектов и внешне бессистемной покупкой товаров за валюту государств. Одному КосмоБогу известно, где они ее брали.

– ... а ФАФ создавалась, как организация, которая будет работать там, где как раз серьезные ученые будут кривить лицо и хохмить, как вы сейчас.

Бойцы попритихли.

– Смена, – подал вдруг голос наблюдатель возле «видока». – Полчаса прошло. Номер два, на пост.

Один из слушателей с видимым сожалением распрямил сочленения «полевика», поднялся и направился к радару. Его место тут же занял «наблюдатель».

– Так вот, – продолжил Матвей, дождавшись, когда новый участник расположится напротив него, достанет сигарету и будет готов слушать. – Все, до чего не доходят руки у ученых, все это собирает ФАФ. Что-то само препарирует, что-то отдает по принадлежности на Землю или еще куда. Но если вы с чем-то в галактике непонятным столкнетесь, будьте уверены –

ФАФ тут как тут. И, кстати, ко всем планетам, где есть «Белые Места», они относятся очень внимательно.

– Да? – удивился только появившийся «номер первый». – А что в них такого?

Он пропустил вступительную часть и очень хотел поучаствовать в разговоре. Матвей усмехнулся про себя. Он его где-то даже понимал. Как и всех остальных в пятерке.

Деревенские жители, что взять? Весь опыт их жизни вне общины заключался в недолгой службе в милиции или призывной армии Пепла. С галактикой, в ее внешнем проявлении они столкнулись впервые. И тут на тебе – штурмфлоты, ФАФ, древнее пророчество Таиксаны, Земля, галактика та же... Им иногда даже интересно становилось принимать участие в операции, хотя любой человек со стороны вряд ли найдет там хоть что-то развлекательное. А этим хоть бы что. А чего такого? Община в безопасном месте. Таиксана не в первый раз приходит, ничего, все живы до сих пор. А что до других людей на Пепле, ну, так они и до этого не очень их интересовали. Все равно община мало пересекалась с остальным населением Пепла.

Опасно? Ну, да. Но так и признание общины дорогого стоит. Да и вообще, не их это дело, задумываться. Старейшины уже обо всем подумали, Матвея им выделили, об остальных позаботились. Все хорошо, все правильно. Им теперь всего лишь надо пойти и сделать то, что приказывают.

Матвей им даже иногда завидовал. Ему бы кто приказал что-нибудь конкретное и на сто процентов правильное. Но увы...

– Это для нас в «Белом Месте» нет ничего особенного, – усмехнулся Делягин. – Мы туда и на рыбалку, бывает, ходим. Подумаешь, привидится что-нибудь. Эка невидаль. Тем более что мы там и прятаться будем в случае чего...

Он переменял позу: мышцы затекли.

– А для остальной галактики «Белые Места» – это аномальные зоны, от которых непонятно еще чего ждать. Я сам не знаю точно, но поговаривали, что ФАФ оттуда столько понатаскало, что за планетами, где они есть, настоящая охота идет.

– А как они, эти ученые тогда, в самый первый раз, Таиксану остановили, да еще если он оружие от военных получил? – очнулся от своих раздумий четвертый боец.

– Всей истории я не знаю, – развел руками Матвей. – Вернемся, спросишь у Турухтанова, если все еще интересно будет. Но в общих чертах было как-то так.

На Пепле тогда было четыре поселка и две базы: вояки и ФАФ. ФАФ тогда только открыли «Белое место» и тут же посадили туда свою базу. Точно не помню, но в прикрывали их что-то около батальона космоштурма (собственного фафовского, понятно) и несколько тяжелых штурм-ботов. То есть, как ты понимаешь, вооружены они были ничуть не хуже военных. А Таиксана как раз на тех и попал. Базу взбаламутил, организовал несколько атак со стороны гражданских – и понеслось. Вояки выжгли три поселка и пошли к последнему. Но тут фафовцы разобрались, что к чему, и начали сами воевать.

– А почему их-то Таиксана не тронул?

– Ха, – улыбнулся Матвей. – Еще не поняли? База ФАФ стояла возле самого «Белого места», а туда Таиксане хода нет. А чтобы не спрашивали следующий вопрос, скажу сразу. Рецепт нашей «таиксаны», салата, которые теперь по всей галактике знают, только готовить толком никто не умеет, тоже был изобретен именно тогда. И вот благодаря ему ФАФ и смогла победить. Ну, как победить, – Матвей замялся. – Просто четвертый поселок вместе с военными накрыли с орбиты штурм-крейсера, а фафовские космоштурмы просто туда пришли и зачистили тех, кто остался. Тогда Таиксану и взяли.

Он вздохнул.

– Евлампий Егорович рассказывал, что ему дед говорил, которому говорил его дед, что тогда из поселка пятеро остались. Среди них Таиксана. Он говорит, орал, как сумасшедший.

Прыгал на космоштурмов, его убивали, он прыгал на другого... Жуткое, короче, зрелище. В итоге его в Белое Место дотащили и там кончили.

– Так, если четвертый поселок крейсера накрыли..., – севшим голосом спросил «пилот», – Так это получается...

– Это получается, – безжалостно закончил за него Матвей, – что пятнадцать процентов выживших – это база ФАФ и поселок их обеспечения.

Матвей обвел взглядом притихших бойцов.

– Так что на будущее учтите: если придется иметь дело с ФАФ, имейте в виду, эти ребята воевать умеют. И вооружены они ничуть не хуже армии, а иногда и лучше.

– А почему, кстати...? – начал кто-то, но Матвей не дал продолжить, краем глаза заметив, как напрягся наблюдатель возле экрана «видока».

– Да потому что они с утра до вечера имеют дело с такими же проблемами, как у нас, – скороговоркой выдал он, стараясь закончить разговор. – И у них в галактике таких таиксан по пять на дню. Поэтому и штурм-флот у них свой. И «Харон» мой тоже у них на посылках половину времени мотается. Так что, если кого оттуда увидите, примите к сведению – бойцы знатные.

Он легким текучим движением, вызвав зависть на лицах подчиненных, поднялся из сидячего положения.

– Что там, Денис?

– Еще три минуты и какой-то бот выйдет из двадцатиминутной зоны.

Сидящая четверка, услышав его прогноз и глядя на напряженное лицо Матвея, тоже начала подниматься.

– Сколько ботов за все время выходило из десятиминутной зоны? – Матвей посмотрел по очереди на номера первого и второго.

– Ни одного, – покачали головой оба.

– Подъем, – Деягин захлопнул забрало шлема. – По машинам. Взлетаем.

– А если не он? – после короткой лекции об устройстве окружающего мира пятерка вообще и пилот в частности начал поглядывать на Матвея со значительно возросшим уважением. – Вдруг это просто человек решил съездить в соседний город?

– Словить пару плазменных зарядов? – вопросом на вопрос ответил Матвей. – Помнишь, как нас тут встретили? Или ты думаешь, что в других городах ситуация чем-то отличается? Нет уж, у этого «путешественника» цель одна – перебраться в другой город. А у нас – другая: не дать ему это сделать. И если получится, – Матвей стоял уже возле бота, – то все наше приключение тут и закончится. К счастью. Все, «видок» подхватили, и в бот. Стартуем.

Глава 7

Тот ужин Шойса был великолепен. По крайней мере, Фил так заявлял. Очень громко. Селена с Элочкой и Лизой разделяли его восторги целиком и полностью. Степа помалкивал, но уплетал почти собственноручно Декстером приготовленные полу-пирожки, полу-бутерброды за обе щеки. Вышло и вправду вкусно, чего греха таить.

А самое интересное, что у Декстера сработала и еще одна идея. Пресловутая программка, высланная организаторами «Ойкумены» оказалась просто кладом.

- Шойс, ты гений, – ожил монитор стоящего рядом со Степой уникампа.
- И тебе доброе утро, – поздоровался с монитором Степа. – Как почивалось?
- Сам такой, – отбил иронию Фил. – Я в отличие от некоторых работал.
- Угу, базы данных «Ойкумены» взламывал, – Степа потянулся в кресле. – Не иначе.

Утро не сказать, чтобы было сильно ранним, но из всей четверки на ногах был только Степа. Нет, проснулись уже все, но в вертикальном положении пребывал он один. Девушки лежали где-то на косметических процедурах, положенных на гала-люксе (иначе за что столько денег за билет платить), Декстер на два уровня выше баламутил бассейн, а Донкат решительно плюнул на все и сбежал пить утренний кофе с сигаретой, наплевав на здоровый образ жизни, правильное питание, полноценное развитие личности и тому подобные лозунги. Очень хотелось просто посидеть в тишине. Запах кофе, дымящаяся сигарета, первая с утра, тишина просыпающегося гала-люкса, что еще надо для наслаждения и состояния гармонии?

Ну и конечно – собеседник. Правда, не такой возбужденный. А Фил явно с утра был более чем бодр. Хотя, какое утро у электронных личностей? А, правда, интересно, как у него проходит смена суток, и проходит ли вообще?

- Фил, кстати, давно хотел спросить...
- Там такие вещи нереальные, – Филадельфия другие страсти. – Ты не поверишь.
- Поверю, – зевнул Степа. – Иначе, зачем мы туда едем?

Вот интересно, почему пока ты один и в тишине, ты бодр свеж и готов к свершениям, но как только рядом появляется кто-то, еще более бодрый, появление которого, по идее, должно придавать энергии, тебе тут же хочется спать, как будто ты с Морфеем не виделся недели две?

– Это я даже не знаю, как описать, – возбужденный голос никак не соответствовал величественному аристократичному юноше в рыцарских доспехах, пытающемуся жестикулировать на экране. – Там такая куча новых ощущений...

Степа усмехнулся. Ну, вот и нашлось развлечение и для сухой уникамповской программы. Хотя, по правде, назвать Филадельфию «сухим» можно было, только имея очень большую предвзятость. Его неумная энергия, сравниться с которой могли только протуберанцы Декстера, требовала постоянного созидания, и Фил почти все свое время проводил (по крайней мере, из его рассказов следовал именно такой вывод) на просторах гала-люкса в поисках чего-то нового, интересного, необычного. А огромнейшая база «Кулинарной Ойкумены», битком набитая оцифрованными вкусами всевозможнейших галактических блюд, как раз очень походила под определение того «чего-то». Так что интерес Филадельфии был вполне закономерен. Вот только утренний Степа – это было не совсем то, что могло соответствовать этой волне солнечной энергии. Вот Декстер из бассейна вернется – пусть он и разбирается. В конце концов, чей это друг?

Донкат вздохнул. Если совсем по-честному, то и его тоже. Как минимум на ту половину, которая появилась у Филадельфии после из визита на Блазар, где он оставил свое брэнное железное тело и окончательно превратился в духа гала-сети.

- Все перепробовал? – Степа сделал глоток почти остывшего кофе.

– Да ты что, – махнул рукой в бронированной перчатке рыцарь. – Там столько информации, что мой трафик рухнет. Мне пару месяцев там все пробовать, не перепробовать. Тем более, что я ж не как в ресторан туда пришел.

Юноша хитро улыбнулся из шлема с поднятым забралом.

– А как куда? – не понял Степа.

Фил заговорщически огляделся по сторонам, хотя видеть его могли только автоматические сторожевики систем безопасности корабля.

– Как в погреб, – почти шепотом сообщил он.

Донкат моргнул, представив себе рыцаря в сверкающих доспехах, лезущего в погреб. А если еще добавить к этому образу электронную сущность этого рыцаря, только что начавшееся утро, и черноту космоса вокруг, то картина выходила совершенно замечательная. Степа помотал головой, отгоняя глюки. Их еще не хватало.

– Поясни, – попросил он.

И вправду, немного комментариев тут не помешало бы.

– Я не хочу прорываться через сторожевиков каждый раз, когда мне приспичит покушать, – Фил почесал бровь закованным в виртуальное железо пальцем. – Вернее, получить удовольствие. Кушать-то мне не надо...

Степа с трудом удержался от комментариев, что последнее замечание было особенно ценным.

– А стащить всю базу данных я не в состоянии, она огромная, мне ее просто девать некуда, нет у меня помещений такого размера.

Степа опять представил себе рыцарский замок где-то на просторах галактики, в котором все комнаты и коридоры битком забиты виртуальными продуктами, взятыми в качестве трофеев в неравном бою с ордами диких сторожевиков. Продуктов много, между ними ходить не получается, а на вершине самой высокой башни сидит прекрасная Лиза, спустив косы (или что там полагается спускать прекрасным дамам) и ждет, пока Фил не перетаскает все это богатство в погреб.

Представил, перемножил это все на звездное полотно космоса вокруг... И как-то ему нехорошо стало. С таким мыслями ему на другой конкурс надо, не на кулинарный...

– А там столько всего можно попробовать..., – мечтательно закатил глаза Фил. – Мм-м.

– И как ощущения? – Степе стало интересно.

– Обалдеть, – признался Фил. – Эта программка, просто чудо. Мало того, что она все тонкости деталей и оттенков передает, так я еще на ее базе себе рецепторы прописал. Ты не представляешь, это что-то.

Степа на секунду включил воображение, и ему на самом деле стало даже немного завидно. Только представьте: постоянный доступ к кулинарным шедеврам галактики, и никаких ограничений по вкусу, количеству, совместимости. Заманчиво?

– Кофе? – предложил он, вспомнив о брэнном мире.

– С удовольствием, – осклабился Фил. – За спиной рыцаря тут же появилось огромное кресло, поддерживающее общую стилистику средневековья, а по правую руку вырос небольшой столик с кофейником и изящной чашкой.

Не снимая латных рукавиц, Фил налил себе дымящегося напитка и чуть приподнял чашку в сторону Степы, как будто салютуя.

– Твое здоровье, – откликнулся Донкат и достал еще одну сигарету.

Фил сделал глоток и восхищенно почмокал губами.

– Прелесть, – поведал он и доверительно добавил. – Вот такие вещи, типа кофе и яичницы с беконом, я себе напрямую в базу закачал, чтобы каждый раз не бегать.

– И закуску не забудь, – посоветовал Донкат. – А то тоже каждый раз таскать замучаешься. Кстати, а что в итоге вы решили с этим делом?

Он выразительно шелкнул себя по горлу.

– Ничего не получилось, – вздохнул рыцарь на экране. – Вкусовые ощущения передаются в полном объеме, но вот удовольствия нет. Там коллекция вин богатейшая, но у меня их пробовать получается только как оттенки вкуса. Еще одно новое блюдо, не более. Обидно, прикинь?

– Да уж, – посочувствовал Донкат. – Стоять перед ящиками вина и не мочь ничего с них получить. Но с другой стороны, а что ты хотел? Алкоголь – это же яд. То есть мы сознательно травим себя. А тебя чем травить? Да и где рецепторы?

Чашка кофе вдруг замерла в руках рыцаря.

– Ну, рецепторы как разы написать без проблем, – задумчиво проговорил он, – А вот насчет яда, тут надо крепко подумать.

– Ты это..., – начал, было, Степа, но мысль развить не получилось.

Дверь каюты отошла в сторону и в гостиную вошла волна энергии.

– Кофе? – пророкотал заряженный утренним бассейном Декстер. – Это хорошо. Еще есть?

– Есть, как не быть, – Степа поднял кофейник. – Присоединяйся.

– С удовольствием, – сакс плюхнулся в кресло с другой стороны стола и уникампа. – Что пьем?

– У Фила, – Степа нагнулся к монитору, обнюхал его и определился, – стопроцентная арабика. А у меня, – он заглянул в кофейник, – бурда какая-то.

– А, Фил тоже тут, – Декстер переехал с креслом так, чтобы видеть экран. – Привет. Уже наслаждаешься?

– Да как тебе сказать, – рыцарь на экране задумчиво посмотрел на чашку, которую держал в руке. – Вкус есть, а удовольствие все же не то. Но Степа меня натолкнул на одну интересную мысль.

– Я надеюсь, никакого членовредительства? Спасибо, – Декстер принял чашку с кофе от Донката. – А то вы смотрите, у нас через три часа прибытие.

– Интересно, – Степа окинул экран уникампа оценивающим взглядом, – а какой член Фил себе может повредить, и как?

– Случаи, знаешь ли, разные бывают, – благодушно прогудел Декстер. – Но, тем не менее, имейте в виду: по приезду я вас выгоню сразу, мне к конкурсу готовиться надо.

– Куда это ты нас выгонишь? – удивился Степа.

– На Девану, – пояснил Декстер. – Мне надо определиться с программой конкурса, разобрать вещи, подготовить ингредиенты. А вы будете мешаться у меня под ногами, давать умные советы и вообще отвлекать. Так что я вас сразу отправлю по магазинам, а то потом сам конкурс в три этапа, за ним награждение, праздник. Времени может и не остаться.

– А с совестью как дела обстоят? – поинтересовался Степа.

– Нормально, – отмахнулся Декстер. – Все компенсирую.

– И как? – оживился Донкат. – Фил, ты слышал? Фил?

– Угу, – как-то невнятно пробурчал Фил, задумчиво разглядывая что-то внутри своей чашки.

– Чего «угу»? – не понял Степа. – Нам с тобой придется вдвоем отдуваться.

– Степ, – рыцарь, наконец, оторвался от созерцания нарисованной кофейной гущи. – А ты сможешь поначалу сам с ними походить?

– Что?! – вот тут Донкат проснулся моментом. – Это что такое?

– Да понимаешь, – Фил поднял на него глаза. – Мысль у меня одна появилась. Нужно срочно проверить. Я быстро. Думаю, даже успею к началу вашей прогулки. Ну, может быть, совсем на немного задержусь. Справишься сам?

– Ты издеваешься? – хмуро поинтересовался Степа. – Конечно, справлюсь, чего там справляться, и с кем? Но вопрос-то не в этом. Они-то будут удовольствие получать, а я, как дурак, буду таскаться следом в одиночку.

– Я помогу, – как будто принося клятву, прижал руку в бронированной груди Фил-рыцарь. – Обещаю. Но только могу немного задержаться. Потерпишь?

– Подонки..., – начал Степа.

– О, вы все уже здесь, ура, – в проеме открывшейся двери стояли обе только что получившие все возможные процедуры девушки. – А Лиза где?

– Будет, – пообещал Фил. – Уже тут.

Сбоку от него начал проступать силуэт девушки со светлыми распущенными волосами.

– Ну все, я пошел.

– Куда это ты пошел? – успевшая загрузиться Лиза придержала Фила за рукав.

– Идея одна есть, Степа объяснит, – рыцарь чмокнул девушку в щеку и рассыпался сверкающим конфетти.

Лиза перевела вопросительный взгляд на Донката, который как раз закончил пить кофе.

– Понятия не имею, – пожал плечами тот. – Сказал, что хочет проверить одну идею, которую я ему дал. Какую – загадка.

Он поскреб себе голову.

– Да и откуда тут идеи?

– А еще Степа сказал, что он с вами по магазинам пойдет, а то ему интересно, – предательски осклабился Декстер, и все возмущение Донката потонуло в радостных возгласах.

Степа посмотрел на четыре довольных лица и вздохнул.

– Чего уж там, пойду. Собирайтесь.

Селена одарила его поцелуем.

– Степа, ты лучший.

Глава 8

Летающий в пространстве вокруг ласковой звезды голубоватый шарик Деваны был красив и сам по себе, но основное очарование второй по номеру (но не по значимости) планеты четвертого про-слоя галактической империи РФМ заключалось далеко не в нем. Очаровательную природу, живописные пейзажи и незабываемые закаты можно было найти в любом уголке галактики. И бесконечные вереницы кораблей, сплошным потоком забивающие трафик-каналы на подходе к планетной системе везли сюда миллионы пассажиров вовсе не для любования природой, хотя и на поверхности Деваны были созданы все условия для более чем комфортного пребывания. Основной целью посещения Деваны была ... тада-да-да-ам... Ее Величество Мода.

Можно было сколь угодно долго рассуждать о том, почему да как главный центр моды РФМ оказался так далеко от основных идейных каналов, неизменно замыкающихся на матушку-Землю. Можно было поднимать документы, придумывать причины, выяснять пути, которыми довольно заштатная в свое время планета приобрела статус одной из столиц галактического мира моды, но факт оставался фактом. Именно здесь, на орбите милого голубоватого шарика сейчас рождались самые блестящие идеи, волнами расходящиеся по всей галактике и неизменно отдававшиеся сладкой дрожью в сердцах любого существа женского пола.

Именно слова дизайнеров Деваны определяли вид, состав и форму тех «бесценных» тряпочек, в которые будут обряжаться самые искушенные модницы не на одной сотне планет по всей галактике. Центров, подобных Деване, было всего еще только три на все обитаемые миры: азиатская Тан-Миньсу, саксовская Эмабайен и едино-европейская Паталья. И каждая из них обладала схожим действием на женские умы и сердца.

Степа обычно описывал это состояние одним словом: «паралич». И теперь, стоя на прозрачной террасе гала-люкса, медленно текущего в общем потоке таких же кораблей, он с ироничным сожалением смотрел на три замерших лица (два человеческих, одно уникомповское), которые с восхищением смотрели на великолепие, раскинувшееся у их ног. Хотя, великолепием это мог назвать только ярый приверженец урбанизации и технократии.

Но если Степина ирония была адресована замершим в предвкушении девушкам, то сожаление целиком и полностью относилось к нему, любимому. И дело было даже не в том, что он тут остался единственным, кто не испытывает никого священного трепета перед ближайшим будущим, нет. Проблем крылась совсем в другом.

Сотни и сотни тысяч покупателей, ежемесячно прибывающих на Девану, обслуживали тысячи различных кораблей от пространственных ботов и прогулочных яхт до огромных, схожих с небольшими естественными спутниками планет шикарными трансгалактическими лайнерами, в сравнении с которыми даже гала-люкс, на котором они путешествовали, выглядел буксиром на фоне штурм-крейсера. С таким потоком пассажиров и кораблей не справится ни одна атмосфера. Пусти их всех на поверхность – и через несколько лет Девану можно смело заносить в список планет, непригодных для жизни в связи с нестабильным климатом. Штука мерзкая и, к сожалению, уже опробованная на ближних к Земле слоях рукава Ориона.

Еще только зарождающиеся галактические империи, только получив в свое распоряжение новые миры, об экологии девственных планет заботились в последнюю очередь. Перед глазами правителей стоял технологический прорыв и промышленные рывки, способные вывести стремительно развивающиеся государства на лидирующие позиции в новом мироустройстве. Какие там взгляды в будущее, какие экологи, биологи и инженеры по терраформированию? Будущим империям нужны были заводы, полезные ископаемые, склады, промышленные и военные базы. И как можно дешевле.

Всю инфраструктуру тут же опустили на поверхность только что освоенных планет и начали наращивать производство, формируя плацдармы для последующих бросков по галактическому рукаву. Но никакое движение вперед невозможно без транспорта. Доставка производимых продуктов, снабжение миров, перемещение войск и специалистов. По мере расширения империй нагрузка на первые миры возросла многократно. И вот тут-то мать-природа и ответила наглцам, наплевавшим на базовые принципы экологии.

Огромное количество орбитальных стартов и приземлений так испоганили хрупкие экосистемы планет, что уже через несколько десятков лет изменения стали необратимыми. Заводы и месторождения редких элементов, понятно, никто не бросил, но постоянно жить на поверхности испоганенных планет стало невозможно. Только вахтовые смены в тяжелых погодных условиях.

И некогда цветущие миры превратились в грязный, непригодный для жизни индустриальный пояс вокруг к тому моменту уже бережно сохраняемой Земли, служа вечным напоминанием о том, как безответственность и жадность может изменить привычный уклад жизни.

А вот уже дальше, начиная с третьего слоя, картина была совершенно иной. Первый и второй освоенные слои научили людей внимательнее относиться к местам, где они собирались жить, тем более что по мере включения в империи новых и новых миров человеческие ресурсы истощались все быстрее. На вновь открытых планетах зачастую просто некому было работать. И теперь любой новый мир в первую очередь окружался орбитальным кольцом из всевозможных технологических модулей, от громадных преобразователей солнечной энергии до мастерских орбитальных ботов, и только потом начиналось обустройство поверхности.

Девана и так исключением не являлась, а тут еще вмешался и фактор моды.

Степа вздохнул, осматривая бесконечные потоки огней гала-люксов, прибывающих и убывающих с орбиты Деваны, плотный панцирь из всевозможных технологических комплексов, покрывающий почти всю орбиту планеты, светящиеся гирлянды и гроздья торговых баз. Здесь, как нигде, человек мог себя почувствовать маленькой песчинкой мироздания, мелким винтиком в гигантской машине великих империй, все дальше и дальше раскидывающих руки по безбрежной галактике.

Сотни и тысячи кораблей вершили свое мерное шествование по неожиданно ставшей маленькой и тесной звездной системе, являющейся наглядным примером торжества инженерной мысли человека.

А стоящий на прозрачной террасе гала-люкса Степан Донкат, глядя на весь этот гимн технологической мощи, старался убедить свою заботливо выращенную в тиши Изюбра мизантропию в том, что ни чего страшного не происходит. Все в порядке, все хорошо. Подумаешь, несколько суток непрерывного бега по нескончаемым торговым комплексам. И не такое бывало. В его жизни случались вещи и пострашнее. Например, не такой уж и давний сброс на поверхность без бота, в одном убээсе.

Степа вздохнул. Хотя, тут, как посмотреть. Предложи ему сейчас кто-нибудь выбор, неизвестно, чем бы все закончилось. Но выбора (к счастью? к сожалению?) ему никто не предлагал.

Мало того, если он только заикнется о том, что шопинга не будет, его тут же на террасе и оставят, вмятого в какую-нибудь переборку. И, наверное, будут правы. Должны же девочки хоть иногда веселиться? А то им, бедным, так мало развлечений в жизни выпадает...

– Кхм, – Донкат прочистил горло, привлекая внимание девушек. – Так что, мы сразу по приезду в магазины, или пообедаем сначала?

Вы думаете, кто-то привлекся? Не-а.

– Эля, смотри, – Селена, как будто и не услышав Степиного покашливания, указала на гигантскую светящуюся вывеску, приветствовавшую всех, кто входил в пространство Деваны. Вывеска представляла собой огромное улыбающееся белоснежной улыбкой женское лицо,

сохраняющее всю мимику живого человека. Создавалось полное впечатление, что с тобой разговаривает какой-то великан, невидимый в черноте космоса. И опять, понравилось всем, кроме Степы. Он даже оглянулся. Ему одному кажется, что этот огромный рот собирается их съесть? Да, похоже, что так. Пассажиры гала-люкса, вышедшие полюбоваться панорамой орбиты Деваны, которая сама по себе уже стала туристической достопримечательностью, все, как один увлеченно обсуждали огромное лицо и бесчисленные облака светлячков-ботов, простирающиеся вокруг. А дальше... Дальше кроме железного панциря торговых комплексов не просматривалось ничего вообще. Комплексы заслоняли собой не только голубоватый диск Деваны, но и сам космос, пряча от глаз ненужные сейчас созвездия и туманности. Вот так-то, вздохнул про себя Донкат, кто сказал, что космос это бесконечная пустота? Ничего подобного. Орбита Деваны как раз и служила более чем наглядным доказательством того, что любая пустота, даже космическая, заполняется на счет «раз» всего лишь по желанию одного слабого и беззащитного существа, которое называется «женщина». Донкат опять иронично хмыкнул. И пусть хоть кто-то, глядя на этот пейзаж, попробует сказать, что миром правят мужчины.

Мысль не порадовала, и он решил взяться за дело энергичнее.

– Короче так, слушаем сюда, – Степа попытался скопировать командные интонации отсутствующего Декстера. – Определяю. Располагаемся в гостинице, потом обед, после обеда выдвигаемся по комплексам.

Хоть бы одно лицо к нему повернулось, кроме проходящего официанта.

– Я в каюту, – возвестил он, отчаянно пытаясь сохранить лицо.

– Да-да, Степочка, – донеслось от Селены. – Спасибо. Ты собирайся пока, мы подойдем.

Донкат плюнул на чистый пол террасы и пошел в каюту. Путешествие обещало быть незабываемым. Нет, Декстер точно не расплатится.

* * *

– «Галерея» или «Облако»? – Элечка сверилась с путеводителем, выведенным на информационный экран, расположенный перед глазами пассажиров в орбитальном такси. – Сель, Лиза как вы думаете?

– Что ближе?

Да уж, если сами страждущие девушки не могут выбрать, куда направиться в этом море плавающих в пустоте шаров, кубов, параллелепипедов и гораздо более сложных конструкций, то что же его-то ждет? Донкат сделал глубокий вдох и постарался не злиться. По крайней мере сейчас. У него еще будет масса поводов...

– «Галерея», – сверилась со схемой Элечка. – «Облако» специализируется на обуви, а нам сейчас нужна одежда. Причем не просто одежда, а для выхода на природу. Что-нибудь простенькое, но элегантное.

Она покосилась на ни в чем не повинного Степу, вынужденного отдуться за оставшегося в гостинице Декстера, хотя сакс готовил то свое «рыбное» путешествие исключительно в одиночку. Донкат тайком вздохнул. Да уж, поторопился он с выводами насчет неумения ориентироваться. Девушки, такое ощущение, чуть ли не родились на этой орбите. Степа посмотрел назад, на загруженное покупками багажное отделение орбитального такси.

И ведь, что самое пакостное: ни Декстера, ни Фила. Сакс сразу же засел в номере, колдуя над своими поварешками, кастрюльками и сковородками; тут не подходи. Очень удобная причина. Хотя Степа подозревал, что хитрый здоровяк просто нашел повод, чтобы увильнуть от походов по магазинам, а сам сейчас сидит, покуривает сигары и тихо хихикает, представляя, какой задницы он счастливо избежал. Ладно, вернемся, еще поговорим с ним. А вот Фил... А Фила просто не было. Нигде. Он не отвечал ни на один запрос, не прозванивался Лизой, не реагировал ни на какие пароли и коды. И даже волшебная формула вызова этого электрон-

ного джинна, посредством запроса его страницы в «Вакууме», самой крупной социальной сети РФМ, не приносила ровным счетом никаких результатов. А вот это было уже странно. Напряглась даже Лиза, которая незримо сопровождала их по всем магазинам, кочуя с одного рекламного экрана на другой. Хотя пока не до той степени, когда следует бить тревогу.

А вот Степа как раз – до той...

– Девушки, – оно попытался придать голосу максимальную доброжелательность. – Это у нас последний пункт маршрута, да? Выбираем одежду для пикника – и все?

На него посмотрели как на имбецила. Даже Лиза, участвовавшая в разговоре, сидя в углу экрана с картой, тихо хихикнула, окончательно хороня надежды Степы на благополучное возвращение домой.

– Нет, милый, – разговаривала с ним Селена точно, как с дурачком. – Это только четвертый комплекс. Мы еще не смотрели вечерние платья, сумочки и что-нибудь на пляж.

– И в офис, – раздался с экрана голос Лизы.

– Ах, да прости, – поправилась Селена, коротко улыбнувшись экрану, и вернулась к Донкату. – И еще надо посмотреть, в чем сейчас ходят в офисах крупных компаний. Надо же Лизе знать, как одеваться.

– Зачем ей-то? – удивился Степа и тут же прикусил язык, но было поздно.

– Ты хочешь сказать, что Лиза теперь должна всю жизнь выглядеть как героиня древних баллад? – в голосе Селены отчетливо лязгнул передергиваемый затвор.

Степа сейчас хотел только одного: развернуться и домой. Даже ужинать не надо – дайте выпастся. Но заявлять это сейчас, было по меньшей мере неразумно. И он сделал единственное, что мог – промолчал.

– Спасибо, милый, – Селена все же оценила его жертву. – Я обещаю, мы недолго.

Донкат закатил глаза.

Многопроклятая Степой «Галерея» представляла собой огромное колесо, подсвеченное и украшенное невероятным количеством огней, из-за чего на подлете к ней создавалось стойкой впечатление, что ты падаешь на какую-нибудь звезду. В ступице этого колеса сидела администрация комплекса, многочисленные «спицы» служили парковочными штангами для ботов покупателей, а вот в ободке и располагались все те «пещеры с сокровищами», ради которых и прибывали сюда толпы людей со всей галактики. Многоуровневая изогнутая труба, терялась в темной бесконечности космоса, даря ощущение нескончаемого счастья женской половине галактики и повергая в беспросветную депрессию мужскую. Стони и сотни магазинов, лавочек, супермаркетов и салонов, заполняли огромную площадь «Галереи», не оставляя посетителям ни единого шанса уйти отсюда с пустыми руками. Ибо, по мнению Степы, только законченный идиот способен прийти в этот переполненный грешниками ад и не купить ничего. Потому что возвращаться сюда еще раз... Брр-р. Донкат нехорошо ухмыльнулся. Он придумал достойное наказание для прогульщика Декстера. В следующий раз он заставит его поехать с девушками одного. Да-да, именно так. А Филадельфия... Ну, ладно, для того тоже что-нибудь изобретем.

– Степа, нам туда, вон он, – Селена указала на ничем не отличающийся от остальных магазин, и Донкат послушно (ему уже было абсолютно все равно) направил пассажирскую платформу вниз. За точную ориентировку стоило благодарить Лизу. Именно она, пользуясь своими возможностями электронной сущности, безошибочно находила нужный им магазин, мгновенно просеивая (а, может, они еще на гала-люксе все скачали и просмотрели?) через свои фильтры огромный объем информации и точно подбирая им именно тот магазин, который нужен. Что бы они делали, если бы Лизы не было, Степа себе даже представить боялся.

По «Галерее» покупатели передвигались на шустрых платформах, летающих по центральному стволу, где движение было организовано по принципу орбитальных каналов: в середине скоростные линии, а по мере приближения к стенкам скорость принудительно снижалась

автоматами. За отдельную плату, как и в остальных торговых центрах галактики, покупатели могли арендовать специальные полностью экранируемые от внешнего шума платформы повышенной комфортности, где помимо удобных, мягких сидений, были еще широкие экраны навигации вместо простых поисковиков, и даже мини-бары для особо страдающих. Степа, было, обрадовался, найдя такой на их платформе, но, наткнувшись на ледяной взгляд Селены, вздохнул и приготовился молча умирать на фронте шопинга. Попал, так попал, терпи уж. Но чтобы он..., хоть еще один только раз..., когда-нибудь..., где-нибудь... Да ни в жизнь.

Платформа послушно замерла возле указанного магазина и девушки начали высаживаться.

– Ты с нами? – обернулась Селена, и Степа покрылся холодным потом. – Но если не хочешь, посиди. Как тебе захочется.

Донкат заверил, что ему очень сильно захочется посидеть, правда-правда, и закупочный десант высадился в магазин. Впечатление усиливалось еще и тем, что (давайте не будем забывать) Селена Дмитриевна Коваль по должности все же премьер-специалист ФАФ, регулярно участвующая в полевых (равно: «боевых») операциях. Так что сравнение с десантом тут все же имеет право на существование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.